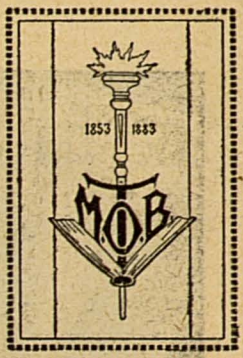


Гос. Публичная библиотека в Ленинграде

Она опустила голову на кровать.

129
3426

129
3426

БОСОНОЖКА

НИНОНЪ

№ 11033. 11029.

РАЗСКАЗЪ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ 1 рисункомъ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ | Москва
1 гостин. Дв., 18 и Невскій, 18 | Кузн. М., 12 и Тверская, 22
1914

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА РОССІИ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА РОССІИ

129
3426

Печать типографіи
Т-ва М. О. Вольфъ
С.-Петербургъ. Вас. остр. 16 линія собств. домъ

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

БОСОНОЖКА НИНОНЪ

I.

Въ одной изъ комнатъ дорогой петербургской гостиницы, на кушеткѣ, стоящей напротивъ камина, лежитъ, кутаясь въ пушистый мѣхъ тибетской козы, молодая дѣвушка.

Яркое пламя камина освѣщаетъ ея лицо, некрасивое маленькое смуглое личико съ большими, точно испуганными, черными глазами и капризными линіями рта.

Это—прибывшая наканунѣ въ Петербургъ знаменитая Ninon, юная танцовщица-босоножка, о пріѣздѣ которой столичныя газеты оповѣстили торжественно своихъ читателей, какъ о пріѣздѣ «знаменитости».

Дѣйствительно, Ninon уже успѣла пріобрѣсти заслуженную громкую извѣстность своими оригинальными и своеобразными танцами...

Пріѣхала она въ холодный Петербургъ прямо изъ Испаніи, гдѣ въ это время уже зрѣли апельсины, миндаль и гранатъ, и изъ знойной южной весны попала въ мокрую, дождливую, непривѣтливую петербургскую погоду. Немудрено, что она все зябнетъ, что ей холодно.

Пріѣхала Ninon въ обществѣ своей постоянной спутницы и учительницы танцевъ, донны Анжелики, по приглашенію директора одного изъ петербургскихъ театровъ, съ тѣмъ, чтобы выступить передъ новою публикою.

Когда кто-нибудь спрашиваетъ о происхожденіи Ninon донну Анжелику, послѣдняя отвѣчаетъ, что мать Ninon была француженка, отецъ испанецъ.

Этому охотно вѣрятъ. Смуглое личико съ большими черными глазами само говоритъ за южное, не русское происхожденіе дѣвушки. Притомъ Ninon танцуетъ съ такимъ жаромъ, съ такимъ воодушевленіемъ, вноситъ столько огня въ свое исполненіе, что сразу точно чувствуется, что она южанка.

Такъ не танцуютъ на холодномъ сѣверѣ. Не даромъ имя молоденькой босоножки-плясуньи уже успѣло облетѣть чуть ли не полміра. И несмотря на юный, очень юный возрастъ, Ninon уже поль-

зовалась громкою извѣстностью всюду, гдѣ интересовались танцами.

II.

— Ты что же долго намѣрена такъ валяться? А твои утреннія упражненія? Или ты забыла о нихъ?— раздается крикливый голосъ донны Анжелики.

Несмотря на свое испанское происхожденіе, донна Анжелика великолѣпно говоритъ по-русски.

Ninon устало поднимаетъ на свою учительницу грустные глаза.

— Дайте мнѣ полежать еще немного... Мнѣ что-то нездоровится нынче. И потомъ, такая тоска!— говоритъ она тихимъ молящимъ голосомъ.

Но донна Анжелика рѣзко поднимаетъ Ninon съ кушетки, схвативъ ее за руку.

— Вставай, вставай! Нечего нѣжничать. Пора на работу. Не забывай, вѣдь сегодня твой первый выходъ въ Россіи, въ Петербургѣ... Ты должна понравиться публикѣ, чтобы получить у здѣшняго директора ангажементъ на нѣсколько вечеровъ на будущій годъ... А русскихъ труднѣе расшевелить нежели испанцевъ, итальянцевъ и французовъ. Нужно исключительно хорошо плясать, чтобы понравиться имъ.

Донна Анжелика говоритъ всегда такъ, точно сердится. И глаза у нея притомъ округляются,

какъ у птицы, а лицо краснѣетъ отъ волненія.

Ninon знаетъ прекрасно, что директоръ театра, въ которомъ она выступитъ въ качествѣ танцовщицы, заплатилъ доннѣ Анжеликѣ большія деньги за всѣ три выхода «знаменитой босоножки», какъ величали ее расклеенныя по городу трехъаршинныя афиши. Необходимо оправдать его довѣріе и покорить своимъ искусствомъ холодную, избалованную петербургскую публику.

Ninon медленно направляется на середину комнаты, бросивъ мѣховую шаль на кушетку. Теперь она въ одной коротенькой греческой туникѣ. Босыя ножки ея тонутъ въ пушистомъ коврѣ.

Донна Анжелика беретъ скрипку въ руки и поднимаетъ смычокъ.

— Вниманіе, Ninon, вниманіе!

Но Ninon не надо предупреждать: съ первыми звуками музыки, она вся преображается. Усталое личико оживляется сразу и вдохновенно поднимается кверху... Румянецъ опаляетъ худенькія смуглыя щеки. Горятъ, какъ звѣзды, черные глаза...

Донна Анжелика хорошо играетъ на скрипкѣ. Ея смуглая рука, вооруженная смычкомъ, из-

влекаетъ изъ инструмента, то плачущіе навзрыдъ, то радостно ликующіе звуки. Ninon—вся вниманіе, вся вдохновеніе и восторгъ... Она то птицей носится по комнатѣ, едва касаясь босыми ножками ковра, то застываетъ въ позѣ съ красивымъ жестомъ закругленныхъ надъ черной головкой рукъ, и только ноги ея, вѣрнѣе ступни, выдѣлываютъ на одномъ мѣстѣ изумительное па...

Въ дверяхъ комнаты показывается коридорная прислуга, горничныя, лакеи... Затаивъ дыханіе, они слѣдятъ за пляской Ninon.

Цѣны въ театрѣ слишкомъ высоки для бѣдныхъ людей, а посмотрѣть знаменитую маленькую плясунью такъ хочется!..

Но вотъ оборвалась струна на скрипкѣ. Донна Анжелика опускаетъ смычокъ. Ninon замираетъ въ послѣдней позѣ танца, снова поднимаетъ и набрасываетъ на себя мѣхъ, и уютно устраивается на кушеткѣ. Ей хочется отдохнуть до вторыхъ упражненій, которыя будетъ проходить съ нею черезъ полчаса ея учительница и госпожа.

И, пользуясь минутой отдыха, Ninon съ усталымъ видомъ закрываетъ глаза.

III.

— Кто вы?

— Испанка.

— Гдѣ вы родились?

— Въ Гренадѣ.

— Сколько вамъ лѣтъ?

— Шестнадцать.

— Который изъ вашихъ танцевъ вы любите танцовать больше другихъ?

— «Танецъ жизни».

Вертлявый господинъ въ пенснэ спѣшно набрасываетъ отвѣты Ninon въ своей записной книжкѣ, тѣ самые отвѣты, которые ей разъ навсегда продиктовала ея учительница.

А на уста такъ и просятся иные... Но, сохрани Богъ, ихъ нельзя говорить.

Уже вечеръ. Скоро надо ѣхать въ театръ. Нарядная комната гостиницы ярко освѣщена электрическими лампочками. Донна Анжелика, при помощи горничной, укладываетъ за ширмой театральный костюмъ Ninon.

Вотъ раздается ея рѣзкій голосъ:

— Pardon, monsieur, не задерживайте Ninon. Намъ надо ѣхать.

Вертлявый господинъ—репортеръ столичной га-

зеты. Завтра онъ напечатаетъ въ ней статью о пляскѣ Ninon, помѣститъ ея портретъ, который ему вручила донна Анжелика, перескажетъ весь свой разговоръ съ Ninon.

Онъ быстро откланивается и уходитъ. Ему хочется попасть въ театръ во время, чтобы не опоздать къ началу танцевъ.

Ninon, почти совсѣмъ готовая къ отъѣзду, стоитъ посреди комнаты. На ней синій, хорошо сшитый костюмъ и большая, затонувшая въ страусовыхъ перьяхъ, шляпа. Изъ-подъ полей шляпы устало смотрятъ маленькое, худенькое личико танцовщицы и ея большіе испуганно-грустные глаза.

— Мнѣ нездоровится что-то, донна Анжелика... Ахъ, какъ хотѣлось бы сейчасъ прилечь и хорошенько отдохнуть... Я, вѣроятно, простудилась... меня лихорадитъ,—говоритъ Ninon печальнымъ, упавшимъ до шопота голосомъ.

Донна Анжелика, взволнованная, красная, топаетъ въ бѣшенствѣ ногами и кричитъ:

— Отдохнуть! Прилечь! Ты съ ума сошла! Сейчасъ же выкинь эту дурь изъ головы... Сію же минуту!.. И ѣдемъ.. Матреша! Матреша! Подайте барышнѣ шубу и мѣхъ!..

И сама, не дождавшись горничной, закутываетъ

Ninon въ теплую на козьемъ мѣху шубку, въ бѣлый капоръ и бѣлый мѣхъ.

Среди бѣлаго мѣха выглядитъ такъ оригинально черная головка Ninon. Еще смуглѣе кажется худенькое лицо, еще чернѣе испуганные глазки.

Ninon медленно, молча, спускается по лѣстницѣ со своей учительницей внизъ къ подъѣзду. На улицѣ ихъ ждетъ моторъ. Донна Анжелика, Ninon и горничная садятся.

Черезъ минуты три быстрой ѣзды онѣ входятъ въ театральный подъѣздъ.

IV.

Передъ зеркаломъ въ театральной уборной сидитъ Ninon. Она почти готова. Парикмахеру остается лишь завить нѣсколько черныхъ локоновъ, красиво сбѣгающихъ ей на плечи и грудь. Они, какъ рамкой, окружили ея худенькое смуглое личико. На черной головкѣ—жемчужная повязка.

Воздушная розовая туника окружаетъ маленькую фигурку танцовщицы словно облакомъ цвѣта утренней зари.

Крошечныя ножки босы...

Донна Анжелика внимательнымъ взглядомъ окидываетъ хрупкую, изящную фигурку и, удовле-

творенная вполнѣ видомъ Ninon, спѣшитъ изъ уборной въ кабинетъ директора. За нею уходитъ и парикмахеръ. Горничная Матреша помогаетъ докончить туалетъ Ninon.

— Тукъ, тукъ, тукъ...—стучится кто-то въ двери.

— Войдите!

Просовывается чья-то рука.

Въ рукѣ большой снопъ лилово-синихъ ирисовъ.

— Для госпожи Нинонъ,—раздается голосъ за дверью.

— Ахъ!

Худенькое смуглое личико Ninon вспыхиваетъ отъ счастья.

Она привыкла къ цвѣточнымъ и цѣннымъ подношеніямъ. Она избалована ими. Но въ этотъ разъ она особенно счастлива, рѣшивъ, что невѣдомые почитатели или почитательницы ея таланта, о которомъ они узнали изъ европейскихъ газетъ, шлютъ ей свой привѣтъ, чтобы ободрить ее, танцующую еще впервые въ Россіи.

О, какъ это трогательно и мило съ ихъ стороны!

Ирисы—любимые цвѣты Ninon... Они напоминаютъ ей многое... И вотъ какъ разъ—лиловые ирисы несутъ ей въ даръ отъ невѣдомыхъ друзей...

Ninon приказываетъ горничной подать ей букетъ, погружаетъ въ него вспыхнувшее личико и, замѣтивъ въ глубинѣ букета записку, быстрымъ движеніемъ руки схватываетъ ее.

На бѣломъ картонѣ карточки всего одна фраза: «*Прелестной Ninon отъ украинокъ*».

Ninon блѣднѣетъ... Потомъ вспыхиваетъ снова... Сердце бьется въ ея груди шибко, шибко... И, снова блѣднѣя, она быстро подноситъ букетъ къ губамъ и цѣлуетъ лиловые цвѣточки...

«Украинки!» О, милое, милое слово!— шепчетъ она чуть слышно, и, заботливо поставивъ цвѣты въ воду, принесенную ей Матрешей, спѣшитъ на сцену.

V.

У кулисы Ninon привѣтствуютъ директоръ и артисты того театра, въ которомъ она выступаетъ. Ей расточаютъ похвалы и тонкую лесть.

Она почти не слышитъ того, что ей говорятъ. Не чувствуя подъ собою ногъ, выходитъ она на сцену.

Въ занавѣсѣ, отдѣляющемъ отъ сцены зрительный залъ, есть крошечное отверстіе для глаза. Ninon быстро приникаетъ къ нему и смотритъ,

смотритъ. О, сколько публики! Сколько блеска! Какая нарядная толпа!..

Но глазъ Ninon скользитъ мимо богатыхъ и блестящихъ костюмовъ. Вѣщее сердце шепчетъ, что «тѣ» «украинки», съ ихъ скромнымъ букетомъ лиловыхъ ирисовъ, ничего общаго не имѣютъ съ богатой публикой партера и ложъ бенуара... И глаза Ninon поднимаются выше, въ верхніе ярусы, въ болѣе дешевыя мѣста театра. Тамъ, въ одной изъ ложъ четвертаго яруса, набралось чуть ли не съ десятокъ дѣвушекъ очень юнаго возраста. Это должно быть гимназистки, молоденькія курсистки. Всѣ онѣ, навѣрное, не петербургскія жительницы. Отъ ихъ взволнованныхъ, оживленныхъ лицъ такъ и дышитъ чисто южнымъ оживленіемъ. Здоровый румянецъ играетъ на ихъ щекахъ. Блестятъ глаза, сверкаютъ бѣлые зубы... Это онѣ... это—провинціалки-украинки, прославшія сей цвѣтъ. Сердце Ninon подсказываетъ ей это.

— О, милые личики! Дорогія мои, для васъ однихъ буду плясать сегодня!—шепчетъ она про себя.

Съ грустной улыбкой быстро отходитъ она отъ занавѣса, заслышавъ призывный звонокъ.

VI.

О, какъ сладко, какъ упоительно-прекрасна эта музыка! Какъ нѣжно поютъ скрипки, какъ пѣвуче рыдаетъ віолончель!.. Точно издали звучитъ, присоединяясь къ нимъ, красивая флейта... Задавленно-тихи, но чарующе-мелодичны плывутъ плачущіе аккорды арфы...

Подъ эту музыку медленно выходитъ изъ за кулисъ на сцену Ninon, сбросивъ съ босыхъ маленькихъ ножекъ туфли.

Она будетъ танцовать сейчасъ свой любимый «танецъ жизни».

Она будетъ танцовать съ особеннымъ огнемъ нынче, она чувствуетъ это. Лиловые ирисы, оставшіеся въ уборной, вдохновили ее.

Она идетъ... Флейты, арфа, віолончель и скрипки поютъ ей навстрѣчу. И душа ея тоже поетъ, душа маленькой Ninon.

Она медленно поднимаетъ руки и начинаетъ танецъ, въ то время какъ передъ нею проплываетъ цѣлая вереница картинъ...

Синее-синее небо... Небо Украйны, самимъ Богомъ благословеннаго края... Знойное солнце и цѣлая роща бѣлыхъ пушистыхъ облаковъ...

Ковыль тихо шепчетъ въ степи что-то...

Сказку ли, правду ли—не знаетъ никто... Безбрежная степь убѣгаетъ далеко... На горизонтѣ сочетаются двѣ краски—краски синяго неба и зеленой степи...

Тамъ, въ степи, живетъ маленькая дѣвочка, Настя, маленькая Настя-сиротка. Живетъ она на хуторѣ у своего дальняго родственника и опекуна.

Отца она не помнитъ, а мать смутно; но помнитъ и знаетъ хорошо зеленую степь съ ея цвѣтами, дикими цвѣтами лиловыхъ ирисовъ, гвоздики и тмина...

Она любитъ завивать вѣнки изъ этихъ цвѣтовъ... Особенно любитъ лиловые ирисы... Завьетъ вѣнокъ, надѣнетъ его на голову и пляшетъ какъ русалка...

Опекунъ и его дѣти смѣются надъ нею, но Настя не унываетъ. Развѣ можно не плясать, когда кто-то точно толкаетъ ее кружиться!..

Хуторъ опекуна находится подъ Полтавой, въ самомъ сердцѣ Малороссіи. Въ Полтавѣ есть пансіонъ для «благородныхъ дѣвицъ». Туда отдаютъ Настю. Учится она неважно, зато на урокахъ танцевъ поражаетъ и учителя и начальницу и весь пансіонъ. Всѣ удивляются ея своеобразной дикой граціи, изяществу во всѣхъ ея

движеніяхъ... Утромъ и вечеромъ въ дортуарѣ она сзываетъ подругъ и пляшетъ передъ ними. Онѣ восхищаются, приходятъ въ восторгъ...

Противъ оконъ дортуара большой домъ, наполненный жильцами. Въ одномъ окнѣ этого дома часто появляется смуглая дама и въ бинокль смотритъ на Настю, когда она танцуетъ передъ подругами. Говорятъ, что это испанка. Другіе увѣряютъ, что цыганка, третьи, что итальянка. Одно несомнѣнно—она скрипачка, объѣзжающая со своей скрипкой Россію.

Однажды, совсѣмъ неожиданно, она очутилась въ пріемной комнатѣ пансіона и вызываетъ Настю.

Долго, долго шепчутся онѣ о чемъ-то... Незнакомая смуглая дама льстиво намекаетъ Настѣ, что у нея талантъ, крупный талантъ, сулитъ ей блестящую карьеру, утверждаетъ, что она могла бы стать знаменитою танцовщицею, что надо лишь годъ, два, а то даже и нѣсколько мѣсяцевъ поучиться въ школѣ танцевъ за границею и что она, смуглая дама, готова въ этомъ помочь Настѣ... Незнакомка уходитъ. А черезъ недѣлю другую Настя исчезаетъ изъ пансіона. Одновременно ея новая знакомая—скрипачка, исчезла тоже.

Опекунъ не очень встревоженъ исчезновеніемъ своей воспитанницы У него своя семья на плечахъ, а Настя доставляла ему не мало хлопотъ...

Черезъ полгода въ театральной школѣ въ Туринѣ появляется маленькая танцовщица подъ именемъ Ninon, полу-француженка, полу-испанка

Донна Анжелика не долго держитъ въ школѣ Настю - Ninon. Дѣвочка дѣлаетъ поразительные успѣхи. Въ четырнадцать лѣтъ она уже готовая танцовщица, и донна Анжелика везетъ свою воспитанницу въ первое артистическое путешествіе по Европѣ и заставляетъ плясать за деньги въ видѣ босоножки.

Слава Ninon растетъ не по днямъ, а по часамъ.

Въ короткое время—она знаменитость, о ней печатаютъ статьи въ газетахъ. Ея портреты продаются въ магазинахъ большихъ европейскихъ городовъ.

Ninon довольна. Она тщеславна. Да кромѣ того, она любитъ свое искусство.

Но въ послѣднее время она утомлена, устала...

Или петербургскій климатъ тому виной?

Ей хочется отдохнуть, забыться... Хочется хоть на время спрятаться отъ людей.

И еще—хочется бѣжать отъ ненавистной донны Анжелики, которая такъ безсердечно и безжалостно относится къ молодой своей воспитанницѣ и такъ ловко прикарманиваетъ всѣ деньги, какія платятъ за дебюты Ninon ...

Сегодня однако Ninon точно опять въ ударѣ, точно опять желаетъ щегольнуть, похвалиться своимъ талантомъ, какъ тогда, давно, въ Полтавѣ...

Лиловые ирисы, полученные такъ неожиданно, живо напоминаютъ ей синее небо, золотыя поля и зеленыя степи ея родины, ея милой родины...

VII.

Музыка попрежнему льется сильной волной... Дрожитъ мелодія вдалекѣ...

Ninon стремительно носится теперь изъ одного конца сцены къ другому... Нѣтъ больше усталости, медленности въ ея движеніяхъ. Она вся вихрь, вся—огонь.

Горятъ ея глаза... Пылаетъ смуглое личико... Смѣются губы... Черные локоны вьются по плечамъ... Она вся сейчасъ—олицетвореніе счастья, радости, жизни...

Она точно видитъ передъ собою свою золотомъ облитую Украйну, видитъ синее небо, слышитъ вѣчную сказку ковыля... Ей кажется, будто лиловые цвѣты ириса внизу, побѣгъ пернатыхъ облаковъ тамъ наверху, среди синяго бархатнаго поля...

Ликуетъ ея душа... Радуется сердце...

И она пляшетъ такъ, какъ никогда...

Донна Анжелика, директоръ театра и цѣлая толпа артистовъ толпятся за кулисами и безшумно аплодируютъ ей. Она ихъ не видитъ... Она ничего не видитъ... Нарядная публика въ залѣ не существуетъ для нея. Однѣ только скромно одѣтыя дѣвушки тамъ, въ высокой четвертаго яруса ложѣ, ей видны. Для нихъ она пляшетъ... Онѣ— украинки, дѣти ея далекой, чудесной родины. Для нихъ она и пляшетъ, забывъ весь міръ...

VIII.

Оркестръ смолкаетъ. Ninon обрываетъ танецъ... Громъ аплодисментовъ оглушаетъ ее.

Крики «браво» и «бисъ» чередуются. Восклицанія восторга стономъ стоятъ въ зрительномъ залѣ. Въ партерѣ и ложахъ неистово аплодируютъ нарядныя дамы и блестящіе кавалеры.

Но Ninon равнодушна къ нимъ... Низко кла-

няется она по направленію ложи, гдѣ сидятъ украинки, и съ очаровательной улыбкой, въ отвѣтъ на ихъ изступленные крики восторга, посылаетъ имъ воздушный поцѣлуй...

IX.

Ночь... Тишина... Въ комнатѣ гостиницы, улыбаясь радостною улыбкою, спитъ донна Анжелика. Ей снятся пріятные сны: Ninon имѣла огромный успѣхъ въ этотъ вечеръ; ангажементъ на будущее время обезпеченъ. Эта смуглая дѣвочка сможетъ быть ей полезной. Донна Анжелика довольна ею.

А сама смуглая дѣвочка не спитъ. Она сидитъ у постели, погруженная въ грустныя мысли, потомъ опускаетъ голову на кровать и плачетъ.

Весь ея подъемъ исчезъ... Лиловые ирисы завяли быстро. А съ ними завяли и сегодняшнія лучшія грезы о родинѣ, о милой Украйнѣ, гдѣ ей не быть уже никогда, никогда!..

Скупыя слезы вытекаютъ изъ черныхъ глазъ и мочатъ подушку. Ninon плачетъ... Плачетъ, сама не зная о чемъ. Въ душѣ у нея живетъ теперь только одно желаніе—забыться... отдохнуть... быть самой обыкновенной маленькой дѣвушкой, безъ этой славы, блеска, успѣха и суеты.

Она устала. Устала отъ этого мишурнаго блеска. И сердце бѣдной дѣвочки щемитъ безконечная тоска...

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

— Денегъ у меня нѣтъ! Совѣтую обратиться къ кому-нибудь другому...

129
3427

НУСЯ

РАЗСКАЗЪ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ рисункомъ И. Гурьева

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13
Москва
Кузн. М., 12 и Тверская, 22
1914

Печать и типографія
Т-ва М. О. Вольфъ
1914

НУСЯ

1.

На стѣнныхъ часахъ въ коридорѣ пробило два.

Нуся захлопнула толстую тетрадь лекцій и зѣвнула. Она встала сегодня очень рано, чтобы готовиться къ полугодовымъ зачетамъ. Хотѣлось спать. Но еще больше сна давалъ себя чувствовать голодъ. Вотъ уже цѣлую недѣлю Нуся не заходитъ въ кухмистерскую, гдѣ прежде получала за 30 копеекъ довольно скудный обѣдъ. Скудный—но тѣмъ не менѣе обѣдъ. А теперь, седьмой день ей приходится довольствоваться чаемъ и ситнымъ съ плохонькой колбасою изъ мелочной лавочки. Нынче же и на колбасу не хватитъ. Всего восемь копеекъ осталось въ ветхомъ, порыжѣвшемъ отъ времени кошелькѣ. А недавно еще,—конечно, сравнительно недавно—этотъ кошелекъ былъ новенькій, красивый, а

главное—полный денегъ, кредитныхъ бумажекъ и блестящихъ новенькихъ золотыхъ. Точь въ точь такъ же полонъ, какъ полна была Нусина душа самыми свѣтлыми, самыми радужными надеждами всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Какъ хорошо помнитъ этотъ день Нуся! Отецъ съ матерью, бабушка и маленькая сестренка Ирочка провожаютъ ее на вокзалѣ ихъ уѣзднаго глухого уголка. Тамъ, въ бытность свою въ родномъ городѣ, Нуся мечтала о Петербургѣ. Бѣдную гимназисточку Нусю манилъ Петербургъ и своими курсами, на которыхъ Нуся, въ этомъ году окончившая лишь гимназію, мечтала продолжать свое образованіе, и публичными лекціями, и театрами, и кружками учащейся молодежи. Тамъ, чудилось ей, текла совсѣмъ особенная, совсѣмъ исключительная жизнь, полная значенія, интереса и смысла. Какимъ будничнымъ казалось ей ея «прозябаніе», какъ она называла жизнь въ уѣздномъ городкѣ!

Родители не имѣли ничего противъ поступленія Нуси на курсы въ Петербургѣ; но отецъ, суровый труженикъ изъ бѣдныхъ чиновниковъ, рѣшительно заявилъ дочкѣ:

— Поѣзжай, коли надумала. А только смотри, Анна, денегъ зря не транжирь Больше пят-

надцати рублей высылать тебѣ въ мѣсяцъ не могу... А въ Питерѣ, говорятъ, жизнь втридорога. Не опростоволосься.

— Пятнадцать рублей въ мѣсяцъ! Да это цѣлое состояніе, папочка!—И Нуся, которой все казалось въ розовомъ свѣтѣ, даже запрыгала отъ радости. — И потомъ... потомъ я буду давать уроки!

— Ну, гдѣ тамъ уроки, Нусенька! Чай, ученье все время съѣстъ у тебя... А ты вотъ что: возьми у меня... Продала я шубу съ воротомъ чернобурой лисицы, пятьдесятъ рублей дали. Вотъ, ихъ возьми, дѣточка, на обзаведеніе. Куда мнѣ, старухѣ? Сыта и обута. Много ли мнѣ надо?..

И старая бабушка сунула въ руку Нуси этотъ самый, теперь уже порыжѣвшій, тогда же новенькій кошелекъ съ деньгами, скрѣпляя слова свои поцѣлуемъ.

Черезъ нѣсколько дней Нуся уѣхала.

II.

Петербургъ съ перваго же дня появленія въ немъ Нуси, жестоко напугалъ дѣвушку. Сразу пришлось истратить цѣлую уйму денегъ: внести плату за право слушанія лекцій, обзавестись кни-

гами, заплатить за комнату. А тамъ театры: нельзя же было не познакомиться съ ними съ первыхъ же дней. Затѣмъ пришлось пріобрѣсти нѣкоторыя вещи для пополненія гардероба и прочее, и прочее, и прочее. Словомъ, деньги текли какъ вода.

Не прошло и мѣсяца со дня водворенія Нуси на жительство въ столицѣ, какъ пришлось уже познакомиться съ недохватками и недостатками. Деньги, подаренныя бабушкою, очень скоро были израсходованы. Правда, каждое первое число отецъ аккуратно высылалъ по пятнадцати рублей въ мѣсяцъ, но развѣ этого могло хватить при восьмирублевой комнатѣ, на обѣды, чай, прачку, трамвай и пр., и пр.?

А уроки, какъ на зло, не попадались. Слишкомъ уже много развелось желающихъ давать уроки!..

Нуся однако не унывала. Новыя товарки, знакомство съ ними, разные кружки, а главное— театры, куда она съ такимъ удовольствіемъ бѣгала на «галерку», не давали ей первое время долго раздумывать надъ печальными обстоятельствами. И только недѣлю тому назадъ, когда пришлось, вмѣсто обѣдовъ, питаться чѣмъ Богъ послалъ и избѣгать чуть ли не весь городъ,

тщетно ища занятій, русая головка Нуси въ раздумьѣ опустилась, а безпечное до сихъ поръ дѣтское личико приняло столь несвойственное ему выраженіе озабоченности и грусти.

Нуся познакомилась съ первыми вѣстниками нужды...

III.

Въ то время какъ Нуся размышляла надъ грустнымъ своимъ положеніемъ, у двери ея крошечной комнаты послышался легкій свистъ шелковыхъ юбокъ, затѣмъ послѣдовалъ троекратный стукъ въ дверь, и въ Нусину каморку просунулась элегантная хорошенькая головка въ большой шляпѣ со страусовыми перьями.

— Изволина, можно къ вамъ? — произнесъ звонкій голосокъ гостьи съ порога комнаты.

— Входите, Бэрей, входите!

Элли Борей, однокурсница Нуси, дочь богатаго банкира, впорхнула въ комнату, внося съ собой струю свѣжаго морознаго воздуха и вдобавокъ къ нему—тонкій ароматъ дорогихъ парижскихъ духовъ.

— Что вы дѣлаете, Изволина? Никакъ зубрите лекціи? Бросьте, милушка. Стоитъ того... Я

сегодня не поѣхала на курсы. Проспала. Вчера отецъ возилъ всю семью въ оперу. У насъ была ложа. Вы не можете себѣ представить, какъ они пѣли вчера! Я обожаю «Риголетто». Вы помните этотъ мотивъ?

И Элли пропѣла хорошо знакомую Нусѣ арію.

Нуся оживилась сразу, забыла свои плохія дѣла, голодъ, жуткій призракъ нужды. Элли она не любила, какъ не любили всѣ эту богатую, праздную, Богъ вѣсть для чего поступившую на курсы, барышню.

Но Элли принесла съ собою кусочекъ того радостнаго свѣтлаго мірка, который всегда такъ тянулъ къ себѣ Нусю.

— А сегодня что вы дѣлаете, Элли?—съ любопытствомъ спросила она нарядную, оживленную Борей.

— Сегодня? Ахъ, милушка, да развѣ вы не знаете? Сегодня балъ у технологовъ... Надѣюсь, и вы тамъ будете... Я нарочно къ этому дню сшила себѣ платье. Прехорошенькое вышло: зеленое, прозрачное, на розовомъ чехлѣ. Очаровательно... А на голову—розовую же ромашку... Вотъ вы увидите. Вѣдь встрѣтимся на балу? Всѣ наши тамъ будутъ.

— Да?—голосъ Нуси упалъ до шопота, личико вытянулось и поблѣднѣло.

Ахъ, какъ ей хотѣлось попасть на этотъ балъ! Она давно мечтала о немъ. Но развѣ можно идти туда въ томъ черномъ потертомъ платьѣ, въ которомъ она бѣгаетъ на лекціи или въ театръ на галерку? А другого у нея нѣтъ. Да и потомъ, какой ужъ тутъ балъ, когда ей ѣсть нечего. Нуся тяжело вздохнула. Глаза ея невольно наполнились слезами. Вдругъ внезапная мысль осѣнила ея голову.

— «Что, если взять взаймы нѣсколько рублей у этой богатой и нарядной Эллы? Можно будетъ купить свѣтлую кофточку... Онѣ недороги... Изъ дешеваго шелку... И одѣть съ черной юбкой, предварительно хорошенько почистивъ послѣднюю. И перчатки... Можетъ быть и на туфли хватитъ. Элли всегда располагаетъ крупными суммами карманныхъ денегъ. Что ей стоитъ помочь товаркѣ! Она, Нуся, отдастъ ей, непремѣнно отдастъ, когда получитъ».

И красная отъ смущенія, Нуся, первый разъ рѣшившаяся просить въ долгъ денегъ, заикаясь, чуть не шопотомъ лепечетъ:

— Борей, голубушка, не можете ли вы мнѣ одолжить десять-двѣнадцать рублей. Я вамъ от-

дамъ при первой возможности,—и окончательно смущенная, она низко-низко опускаетъ свою русую головку.

Борей прищуривается. Ея глаза смотрятъ чуть-чуть насмѣшливо на эту склоненную головку. Сколько разъ обращаются подруги съ подобными просьбами къ ней, Борей. Она уже къ нимъ привыкла. Разумѣется у нея, Элли Борей, всегда найдется въ портмонэ такая ничтожная сумма. Но съ какой стати рисковать ею? Она не настолько хорошо знаетъ эту самую Изволину, чтобы быть увѣренной въ отдачѣ ею долга. Да и потомъ—на всякое чиханье не наздравствуешься: сегодня попроситъ одна, завтра другая. А ей, Элли, еще такъ много хотѣлось купить именно въ этотъ день: такія миленькія открытки выставлены на углу Морской, затѣмъ надо зайти къ Балле купить сладости. Она, Элли, обожаетъ засахаренные фрукты,—только фрукты, остальныхъ сладостей не признаетъ. И еще непремѣнно надо купить кое-что изъ туалета...

Какъ, однако, неудобно отказывать этой дѣвочкѣ. Элли косится на все еще склоненную русую головку: «Сейчасъ видно глухую провинціалку,—иронизируетъ она мысленно,—извольте радоваться—дай ей сразу десять-двѣнадцать ру-

блей! Или она воображаетъ, что Элли куетъ деньги? Ужасно глупо!»

Элли Борей встаетъ, смотритъ мелькомъ на золотой браслетъ съ часиками, украшенными эмалью, и говоритъ отрывисто, не глядя на Нусю.

— Извините, Изволина, денегъ у меня въ данное время нѣтъ. Были большія траты. Благодаря балу, пришлось купить на платье, цвѣты, перчатки... Вы сами можете понять... Совѣтую обратиться къ кому-нибудь другому... Ахъ, Боже мой, какъ я заболталась у васъ... Скоро три часа. Надо спѣшить обѣдать... Лошадь застоялась, я думаю, ожидая меня. Прощайте, милушка, прощайте.

И тряся хорошенькой головкой, а вмѣстѣ съ нею и густыми страусозыми перьями на шляпѣ, Борей поспѣшно пожимаетъ руку Нуси и спѣшитъ за дверь. На порогѣ она останавливается, медлитъ на мгновеніе и, чтобы сказать что-либо, въ невольномъ смущеніи бросаетъ черезъ плечо:

— Я бы совѣтовала вамъ перемѣнить комнату, Изволина. Въ ней вамъ положительно вредно оставаться. Посмотрите, какая сырость проступила въ углу.

Еще легкій кивокъ головы, свистъ шелковыхъ

юбокъ, и изящная фигурка гостьи исчезаетъ въ длинномъ, прокопченномъ чадомъ, коридорѣ.

По ея уходѣ Нуся стоитъ какъ потерянная нѣсколько минутъ на одномъ мѣстѣ. Жгучій стыдъ, боль обиды и раскаяніе въ просьбѣ овладѣваютъ ея душою. Ахъ, что бы дала она только лишь бы вернуть, не произносить сорвавшуюся у нея съ устъ фразу объ одолженіи денегъ!

— Безчувственная, нечуткая, безсердечная, жадная эгоистка!—вырывается у нея стономъ по адресу исчезнувшей Борей. Она съ силой обхватываетъ руками голову, садится на свою жесткую, жесткую, какъ камень кровать, и горько плачетъ, зарывшись головой въ подушки.

IV.

Январскій день коротокъ. Быстро спускаются зимнія сумерки на землю. Въ Нусиной каморкѣ онѣ появляются много раньше, чѣмъ у другихъ, потому что единственное оконце едва не упирается въ стѣну противоположнаго дома, и въ каморкѣ рѣдко бываетъ «по-настоящему» свѣтло.

Нуся давно перестала плакать. Стоитъ съ широко открытыми глазами и смотритъ въ потолокъ.

Темныя сумерки сгущаются Темныя мысли тоже— о людской несправедливости, эгоизмѣ и нечуткости. Но какъ ни темны эти мысли, а голодъ заглушаетъ ихъ, рѣзко напоминая о себѣ.

Нынче Нуся можетъ позволить себѣ роскошь купить на четыре копейки ситнаго и на четыре колбасы, завтра уже ничего покупать не придется. Но о завтрашнемъ днѣ Нуся не думаетъ. Волчій аппетитъ говоритъ ей объ одномъ только сегодняшнемъ днѣ.

Она быстро одѣваетъ свою ветхую шубенку, старую шапочку подъ котикъ и, надѣвая по пути вязаныя перчатки, спускается внизъ на дворъ. Мелочная лавочка—у воротъ, тутъ же. Нуся покупаетъ свой убогій обѣдъ, вѣрнѣе теперь уже ужинъ, и спѣшитъ къ себѣ. Всегда растрепанная, съ подоткнутымъ подоломъ и тяжелой гремящей обувью, хозяйская прислуга ставитъ самоваръ. Нуся зажигаетъ лампу, рѣжетъ колбасу и ситный на маленькіе кусочки и, стараясь обмануть голодъ, медленно съѣдаетъ ихъ, запивая чаемъ. Бьетъ шесть.

Дѣвушка снова одѣвается и выходитъ.

Надо зайти къ кому-нибудь изъ товарокъ по курсамъ. Можетъ быть тамъ она услышитъ про уроки или про переписку.

Студеный зимній вечеръ сразу прохватываетъ Нусю своимъ пронизывающимъ вѣтромъ и хлопьями снѣга. Ноги зябнутъ въ легкихъ резиновыхъ галошахъ. Голова кружится и болитъ; нельзя питаться безнаказанно всю недѣлю однимъ только ситнымъ съ колбасою!

Въ усталомъ Нусиномъ мозгу складывается робкое рѣшеніе. «Что если написать отцу, просить его выслать деньги впередъ?» Но въ тотъ же мигъ неудачная мысль отбрасывается. — «Откуда же взять денегъ отцу, живущему съ семьею на скромное жалованье—семьдесятъ рублей въ мѣсяцъ?» Зубы Нуси начинаютъ стучать, какъ въ ознобѣ. Ноги подкашиваются. Она съ тоскою смотритъ по сторонамъ. Маленькій скверъ еще открытъ. Тамъ скамейки. Необходимо сѣсть на одну изъ нихъ, иначе она упадетъ.

V.

— Ба, Изволина, какими судьбами?

Нуся вздрагиваетъ отъ неожиданности. Передъ нею, какъ изъ-подъ земли, вырастаетъ высокая фигура студента, запушенная снѣгомъ. При свѣтѣ зажженныхъ фонарей она сразу узнаетъ знакомое некрасивое, все въ рябинахъ отъ оспы лицо студента-технолога Алчевскаго, его свѣтлые вихры,

торчащіе изъ-подъ фуражки, и старенькое лѣтнее пальто, которое Алчевскій носитъ во всякое время года.

Этотъ Алчевскій очень бѣденъ, и Нуся отлично знаетъ это. Питается онъ впроголодь, бѣгаетъ по грошовымъ урокамъ. И никогда хорошее настроеніе духа не покидаетъ его, несмотря на то, что у этого самаго Алчевскаго на плечахъ цѣлая семья: мать-старуха, больная сестра-вдова, сестрины дѣти. И онъ умудряется содержать всѣхъ четверыхъ.

— Экъ васъ вынесло, коллега, въ такую непогоду! Сидѣли бы дома, а то, шутка ли сказать, добрый хозяинъ нынче собаку на улицу не выпуститъ, а вы вотъ, тутъ какъ тутъ, въ стужу и мятель на скамеечкѣ въ скверѣ...

— Да вѣдь вы тоже вышли, Алчевскій,— уныло замѣчаетъ Нуся, дѣлая попытку улыбнуться.

— Ахъ, скажите, пожалуйста!—смѣется Алчевскій. — Да я, сударыня, мужчина, и нашему брату всякія нѣжности не съ руки. Не по комплекціи, изволите видѣть. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, на радостяхъ мнѣ и стужа непочемъ. Жарко, словно лѣтомъ при сорокаградусной температурѣ, а все отъ счастья.

— Отъ счастья?—словно эхомъ откликнулась Нуся.

— Ну, да. Чего вы, съ позволенія сказать, глазки вытаращили? Счастливъ я нынче, Анна Семеновна. Два урока получилъ. Одинъ получше, а другой похуже. Да тотъ что получше-то, такъ хоть самому первому въ мірѣ репетитору, и то находка. И гонораръ разлюли-малина, и ученики теплые ребята. А главное дѣло—безработица у меня была за послѣднее время такая, что хоть ложись и помирай. Всѣ хотятъ учить, и никто учиться. А тутъ вотъ, словно съ неба свалилось. Моя старуха-мать и то говоритъ: «это намъ свыше, Ванечка, послано, въ награду за долгую голодовку...» Такъ какъ ужъ тутъ не радоваться, да не чувствовать лѣтняго зноя въ стужу и мятель!.. Ну, а вы что?

— Я?

Нуся хотѣла разсказать о себѣ этому веселому, неунывающему Ванечкѣ (какъ всѣ знакомые называли Алчевскаго), но только махнула рукой и неожиданно горько заплакала.

Алчевскій растерялся отъ неожиданности.

— Анна Семеновна, что вы? Да Господь съ вами? Съ чего это? А? — озабоченнымъ голосомъ, съ замѣтной долей волненія лепеталъ онъ, заглядывая въ залитое слезами лицо Нуси.

Та долгое время молчала, не будучи въ силахъ произнести ни слова.

Долго утѣшалъ и успокоивалъ ее Ванечка, пока Нуся нашла въ себѣ наконецъ силы собраться съ духомъ и разсказать ему все, рѣшительно все: и про свои болѣе чѣмъ плохія обстоятельства, и про то, какъ она тщетно искала какого-либо заработка, урока, переписки, и про грозный призракъ голода, и про отказъ однокурсницы въ помощи ей, Нусѣ, несмотря на обѣщаніе съ ея стороны во что бы то ни стало отдать долгъ...

Нуся говорила, Алчевскій слушалъ. Сидя на скамеечкѣ сквера, занесенной снѣгомъ, Изволина, какъ говорится, изливала своему случайному собесѣднику душу. Ахъ, какъ тяжело жить, какъ негостепріимно принимаетъ большой городъ такихъ маленькихъ глупенькихъ провинціалокъ, не умѣющихъ ориентироваться въ столицѣ! И новый потокъ слезъ орошаетъ взволнованное личико дѣвушки.

О предстоящемъ балѣ у технологовъ она, Нуся, уже не думаетъ. Мысль о балѣ явилась у нея сразу подъ впечатлѣніемъ визита и бесѣды Элли Борей. Ея не тянетъ ни на балъ, ни на какія развлеченія больше. Какіе тамъ балы, когда грозный призракъ нужды и лишеній въ самомъ су-

щественномъ, въ самомъ необходимомъ встаетъ за ея плечами?

Опустивъ безпомощно руки на колѣни, дрожа отъ волненія, она сидитъ подавленная. Слезы то и дѣло выкатываются у нея изъ глазъ.. Хочется безъ конца плакать, плакать...

Ея собесѣдникъ сидитъ молча, съ опущенной головой и думаетъ, сосредоточенно думаетъ какую-то упорную думу.

Неожиданно вскакиваетъ со скамьи Ванечка, машетъ руками и еще болѣе неожиданно кричитъ «ура». Нуся вздрагиваетъ и смотритъ на Алчевскаго испуганными, недоумѣвающими глазками. «Ужъ не сошелъ ли онъ съ ума, этотъ странный Ванечка!»—мелькаетъ у нея въ головѣ невольная мысль.

— Ура! Дважды ура! Трижды ура!—продолжаетъ чуть ли не вопить Алчевскій, не обращая вниманія на то, что проходящій въ это время сторожъ сквера подозрительнымъ взоромъ окидываетъ его фигуру и, кажется, намѣренъ сдѣлать ему замѣчаніе за нарушеніе общественной тишины.

— Ура, коллега! Способъ выручить васъ изъ бѣды найденъ... Какъ вамъ уже извѣстно, я получилъ два урока—одинъ похуже, другой получше. Извѣстное дѣло, получше оставляю себѣ,

похуже передамъ вамъ. Ничего себѣ и тотъ, что похуже. Десять «цѣлкачей» въ мѣсяцъ и обѣды ежедневные, потому — семья хлѣбосольная, любитъ до отвалу кормить. Обѣими руками за нихъ держитесь, коллега. Кажется, и учить-то придется дѣвочекъ, гимназистокъ. Вотъ вамъ адресокъ.

И закоченѣвшею безъ перчатки рукою Ванечка лѣзетъ въ карманъ, достаетъ оттуда тщательно сложенную бумажку и передаетъ Нусѣ.

— Недалеко отсюда, совѣтую сейчасъ же махнуть туда, сказать, что де Ванечка Алчевскій отказывается отъ вашего урока, мнѣ передаетъ. Такъ молъ и такъ, считаю себя не хуже его, а по тому случаю прошу любить и жаловать азъ многогрѣшную!

— Да вѣдь они васъ хотѣли, а не меня; и потомъ какъ же вы-то, вы-то, Алчевскій, безъ урока останетесь?—лепечетъ смущенно Нуся.

— Перестаньте пожалуйста, не до сентиментовъ тутъ... Говорю вамъ, лучшій урокъ себѣ оставилъ, а вамъ менѣе выгодный предложилъ. Берите и не смущайтесь. А что противъ васъ ничего не будутъ имѣть—за это ужъ я ручаюсь. Повторяю вамъ—учить придется дѣвочекъ. Пожалуй родители даже рады будутъ, что не студентъ, а курсистка

будетъ учить ихъ дѣвочекъ... Итакъ, не зѣвайте: сегодня же отправляйтесь по адресу, который я вамъ далъ.

Ванечка говоритъ убѣдительно, но почему то не глядитъ въ глаза Нусѣ: ему точно совѣстно ..

Нуся понимаетъ, что онъ просто изъ состраданія отдаетъ ей свой урокъ.

«Милый Алчевскій, чѣмъ я отплачу ему за это!»—думаетъ она.

Нуся колеблется. Не отдать ли, не вернуть ли великодушному Ванечкѣ бумажку съ адресомъ, не отказаться ли отъ предложеннаго имъ съ такой готовностью выхода или же принять его «жертву»? Вѣдь онъ нуждается вѣроятно не меньше ея, Нуси, и, кромѣ того, у него цѣлая семья на плечахъ.

«Нѣтъ, нѣтъ, пусть этотъ заработокъ остается за нимъ»,—рѣшаетъ она.

И Нуся уже протягиваетъ руку съ сжатой въ пальцахъ бумажкой. Ей хочется крикнуть Алчевскому:

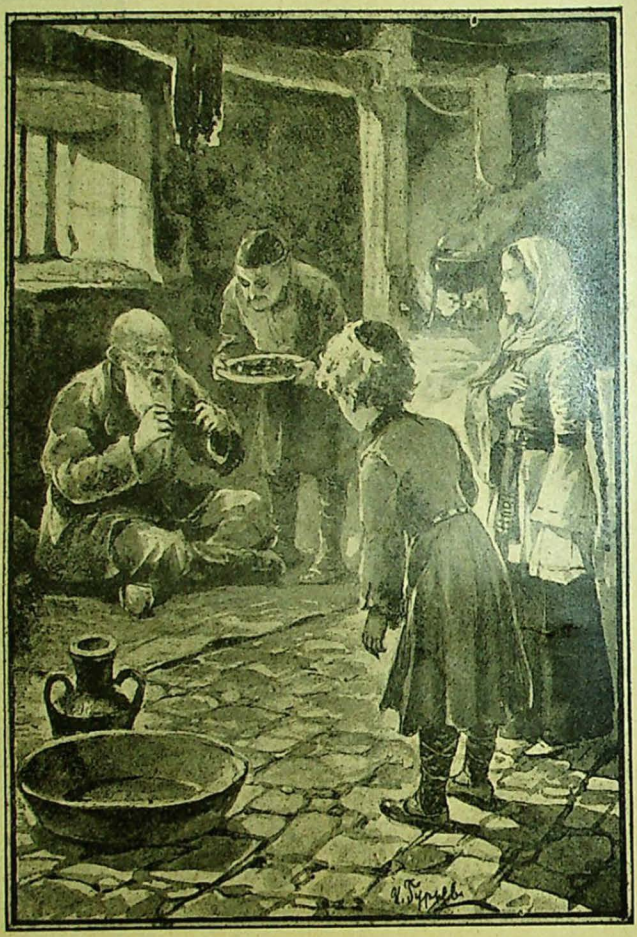
— Не надо, не надо... Я не приму вашего великодушнаго порыва... Я не могу принять...

Но слова замираютъ у нея на устахъ... Алчевскаго уже нѣтъ подлѣ... Пока она колебалась,

борясь сама съ собою, онъ успѣлъ встать и незамѣтно уйти. Его высокая фигура быстро исчезаетъ теперь вдали за рѣшеткою сквера, подъ сыпавшимся на нее снѣгомъ.

Взволнованная и потрясенная, Нуся долго провожала Алчевскаго глазами, и сердце дѣвушки примирилось съ недавней обидой, покоренное лучшею силою свѣтлой человѣческой души...

Гос.
Публичная
Библиотека
в
Ленинграде



Сафаръ останавливается у порога...

129
3428

САЛОМЭ

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ КАВКАЗСКОЙ ЖИЗНИ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ однимъ рисункомъ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ | Москва
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 18 | Кузн. М., 12 и Тверская, 22
1914

38
4274

Печать типографіи
Т-ва М. О. Вольфъ
1914

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

САЛОМЭ

I.

Въ богатыхъ виноградникахъ Мохнаидзе идетъ обычный осенній сборъ плодовъ. Южный августъ дышитъ совсѣмъ по-лѣтнему. Знойно печетъ солнце. Синеватая пелена, окутывающая горы, теперь кажется прозрачнымъ легкимъ дымкомъ. Раскаленные камни на берегу Куры, сонный плескъ рѣки и эта истомляющая жара говорятъ еще о лѣтѣ, жаркомъ и прекрасномъ лѣтѣ Кавказа.

Немилосердно печетъ солнце. Наливаются пышно въ его лучахъ тяжелыя гроздья янтарныхъ, изумрудныхъ и темно-алыхъ, какъ кровь, плодовъ.

Рабочіе, вооруженные кривыми ножами, нарочно приспособленными для сбора винограда, то и дѣло отдѣляютъ отъ вѣтокъ тяжелыя спѣлыя кисти. Здѣсь орудуетъ нѣсколько сотенъ рукъ.

Купца Мохнаидзе всѣ знаютъ. Онъ платитъ щедро за трудъ. Къ нему поэтому люди охотно идутъ работать. И пища у него хорошая, не то что у другихъ хозяевъ. И лоби *) и сыръ, и вино не въ счетъ,—ѣшь, пей сколько угодно. Шашлыкъ изъ баранины всегда изготовленъ вкусно, съ пряною приправою, безъ которой не сядетъ за столъ ни одинъ грузинъ. И въ хинколѣ **) сколько хочешь чесноку и перцу. Словомъ, поденщикамъ у Мохнаидзе не жизнь, а рай.

Самого старика нѣтъ. За него надзираетъ за сборомъ винограда толстый пузатый управитель. Его слушаются, какъ хозяина. Онъ безъ толку не кричитъ и не сердится на людей. При томъ люди собраны здѣсь въ виноградникѣ не какіе-нибудь байгуши ***), а сосѣди-грузины, да бѣдные татары изъ ближайшихъ горныхъ ауловъ...

Гортанные голоса перекрикиваются, наполняя своими звуками заросли кустовъ. Изъ зелени виноградника торчатъ высокія татарскія папахи и круглыя бараньи шапки грузинъ. Бронзовыя лица и горбатые носы такъ и лоснятся потомъ.

Поближе къ хозяйскому крыльцу, вдали отъ

*) Бобы.

**) Клецки въ наварѣ изъ жира и чеснока.

***) Нищіе.

другихъ, работаетъ мальчикъ, лѣтъ четырнадцати-пятнадцати. На немъ рваная черкеска съ потемнѣвшими на груди газырями *); засаленная папаха лихо заломлена на маковку. Это татаринъ Сафаръ, бывшій пастухъ въ горахъ, теперь поденщикъ, сборщикъ винограда въ садахъ Мохнаидзе.

Сафаръ — круглый сирота. Воспитывался въ ближайшемъ аулѣ, пасъ стада барановъ у грузинъ-помѣщиковъ, выросъ на волѣ въ горахъ. Глаза у него быстрые, черные и блестящіе какъ угольки. Лицо — не по-дѣтски важно и серьезно. Работаетъ онъ сосредоточенно и угрюмо, какъ взрослый, мурлыча себѣ подъ носъ не то пѣсню, не то стихъ изъ корана — не разобрать. Прислушается вдругъ чутко мальчикъ привычнымъ ухомъ. Легкіе шаги въ крытой галлерейкѣ... Свирельный голосокъ, смѣхъ—и снова все тихо.

— Это Саломэ! Саломэ идетъ!—шепчетъ мальчикъ, и довольная улыбка озаряетъ его загорѣлое, бронзовое, не по лѣтамъ серьезное лицо.

Да, это она. Одѣта она въ полу-европейскій, полу-національный грузинскій костюмъ. Узкая юбка обтягиваетъ ноги не хуже, чѣмъ у любыхъ тифлискихъ модницъ, кафтанъ-безрукавка съ при-

*) Патронники.

вязными отдѣльными широкими рукавами, какъ у туземки, а на головѣ сложно запутанъ легкій газовый шарфъ, изъ-подъ складокъ котораго глядятъ лукавые глаза, похожіе на горячія черныя звѣзды.

— Привѣтъ Сафару!—кричитъ она еще издали и смѣется.

Сафаръ не можетъ разобрать,—звенятъ ли то золотыя запястья на смуглыхъ ручкахъ Саломэ или это смѣхъ Саломэ, похожій на бѣгъ Терека въ горахъ по камнямъ, тамъ далеко, далеко, далеко. Что-то — словомъ — звенитъ, журчитъ и смѣется.

Саломэ всего пятнадцать лѣтъ. Черезъ два года она кончаетъ курсъ въ училищѣ Святой Нины въ Тифлисѣ. Сейчасъ она на каникулахъ у отца въ его усадьбѣ подъ Тифлисомъ, безпечная и веселая, какъ птичка.

— Ну что, узналъ?—шепчетъ она таинственно, прижимая пальчикъ къ губамъ и обращаясь къ Сафару, при чемъ кладетъ ему на плечо свою тоненькую, отягощенную браслетами, ручку.

— Узналъ! — просто отвѣчаетъ мальчикъ.

— Ну?

— Разъ ты, Саломэ, сказала Сафару «узнай, Сафаръ!», то могъ ли я иначе?..

Серьезно и глубоко смотрятъ смѣлые и прямые глаза татарченка въ лицо дѣвочки. Такой беззавѣтной преданности къ себѣ Саломэ еще не приходилось встрѣчать. Она давно знаетъ Сафара. Съ дѣтства вмѣстѣ играли, собирали камешки на берегу рѣки, помогали работать въ виноградникахъ. И всегда такъ было: Саломэ приказывала, Сафаръ повиновался. Дѣвочка уже давно привыкла къ этому.

— Послушай, однако... Неужели же ты уже повидалъ Абдулъ-Гаида? — задыхаясь отъ волненія и любопытства, бросаетъ Саломэ.

— А то нѣтъ? Конечно, видѣлъ... И не только видѣлъ, — говорилъ съ нимъ, — важно, отчетливо отвѣчаетъ Сафаръ.

— Ты его видѣлъ! Разговаривалъ съ нимъ! Счастливецъ!

Саломэ съ завистью и невольнымъ уваженіемъ смотритъ въ лицо товарищу, въ то время какъ Сафаръ гордо заламываетъ папаху на бритый затылокъ.

— Не можетъ быть!.. Сафаръ, голубчикъ, тебя надули... Съ тобою говорилъ вѣроятно какой-нибудь простой бэрантачъ или душманъ *) изъ

*) Душманъ и барантачъ — разбойники.

шайки Абдулъ-Гаида, а не онъ самъ, знаменитый горный разбойникъ, о которомъ давно уже говоритъ все Закавказье и котораго тщетно старается поймать полиція... Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ этого быть!

И Саломэ упрямо трясетъ головой.

— Ну вотъ!..—негодуетъ Сафаръ, а глазенки его разгораются.—Не стану же я врать... Сафаръ всегда говоритъ одну правду...—бурчитъ онъ себѣ подъ носъ, глядя въ сторону.

— Не вѣрю! Не вѣрю!—звенитъ голосокъ Саломэ. — До тѣхъ поръ не повѣрю, пока сама не увижу... Ахъ, Сафаръ, Сафаръ! Какъ хотѣлось бы повидать его хоть разокъ, этого удальца Абдулъ-Гаида. И потомъ разсказать въ училищѣ осенью, что видѣла «грозу Закавказья»... Ахъ, Сафаръ! Какъ всѣ будутъ удивляться мнѣ, восторгаться моей смѣлостью и безстрашіемъ... Послушай, Сафаръ,—тутъ голосъ Саломэ падаетъ до шопота,— ты узналъ, навѣрное, гдѣ онъ теперь.

— Узналъ!

— Значитъ тайна пребыванія Абдула въ твоихъ рукахъ?

— По волѣ Аллаха, такъ!

— И если ты выдашь его, то получишь нѣсколько тысячъ рублей отъ намѣстника?

— Такъ...

— И будешь богатъ...

— Сафаръ никогда не будетъ предателемъ!— гордо произноситъ мальчикъ, и глаза его горятъ ярче, свѣтлѣй.

— О, какой ты благородный, Сафаръ! — восторженно шепчетъ Саломэ,— и какъ я люблю тебя за это... Но мнѣ... мнѣ-то ты можешь довѣриться и разсказать, гдѣ онъ сейчасъ, — голосомъ, упавшимъ до шопота, добавляетъ дѣвочка.—Я вѣдь никому-никому не скажу...

— Нѣтъ. Иначе я былъ бы не джигитомъ, а бабой-пустемелей,—отвѣтилъ Сафаръ.

— Вотъ ты такой!—и Саломэ капризно надуваетъ малиновыя губки.

Однако, она тотчасъ же соображаетъ, что ссориться сейчасъ не время, что иначе она ничего не добьется отъ этого упрямца Сафара. А ей такъ хочется повидать хоть однимъ глазкомъ знаменитаго лезгина Абдулъ-Гаида, еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ мирнаго жителя аула, а теперь ставшаго вождемъ шайки разбойниковъ, дерзко грабившихъ и убивавшихъ въ горахъ богатыхъ путешественниковъ.

Многіе изъ односельчанъ Абдулъ-Гаида знали о мѣстѣ пребыванія вождя разбойничьей шайки

и укрывали его. Ихъ не прельщала награда, назначенная правительствомъ за поимку его. Они боялись мести со стороны Абдула, зная, что онъ не пощадитъ предателей...

Объ этомъ Абдулъ-Гаидѣ въ училищѣ св. Нины сложились цѣлыя легенды. Юныя воспитанницы, большія охотницы до разсказовъ о смѣлыхъ приключеніяхъ, произвели простого разбойника Абдулъ-Гаида въ какого-то легендарнаго героя.

А самая пылкая изъ этихъ горячихъ головокъ, Саломэ Мохнаидзе, рѣшила, во что бы то ни стало, повидать знаменитаго душмана, нѣсколько разъ уже побывавшаго подъ судомъ и бѣжавшаго изъ тюремнаго замка въ Тифлисѣ.

Сафаръ былъ какъ разъ изъ того аула, гдѣ недавно еще мирно жилъ Абдулъ-Гаидъ.

Онъ въ это утро узналъ о мѣстѣ укрывательства Абдулъ-Гаида отъ одного пріятеля, пастуха ихъ селенія. Но онъ бы далъ скорѣе содрать съ себя съ живого кожу, нежели открылъ Саломэ тайну мѣстопребыванія разбойника.

Иное дѣло видѣть его!.. Видѣть Саломэ могла Абдулъ-Гаида... видѣть и не знать въ то же время, гдѣ онъ.

И цѣлый планъ зародился въ головѣ мальчика;

планъ о томъ, какъ удовлетворить желанія Саломэ и въ то же время соблюсти тайну.

Сейчасъ онъ серьезнымъ, почти строгимъ взглядомъ окинулъ лицо дѣвочки и произнесъ:

— Ты увидишь Абдулъ-Гаида и будешь говорить съ нимъ!

Тонъ Сафара сталъ повелительнымъ. Но Саломэ прощаетъ ему это: онъ познакомитъ ее со знаменитымъ Абдулъ-Гаидомъ съ «грозою Закавказья», значитъ, онъ можетъ такъ говорить, имѣетъ полное право держаться этого повелительнаго тона.

Она вся дрожитъ отъ нетерпѣнія и восторга.

— Скажи, Сафаръ, онъ молодъ?

— Увидишь сама!

— Хорошъ собою?

— Узнаешь, когда увидишь!

— О, я знаю: онъ долженъ быть молодъ и прекрасенъ, какъ настоящій вождь, ведущій за собой толпу!—шепчетъ мечтательно Саломэ.

И въ ея пылкой головкѣ зарождаются мечты объ этомъ невѣдомомъ и прекрасномъ вождѣ Абдулъ-Гаидѣ, мечты о томъ, какъ онъ пожелаетъ похитить ее, Саломэ. Вѣдь бывали же такіе случаи похищенія здѣсь въ горахъ. Нерѣдко похищали молодыхъ дѣвушекъ и юношей изъ богатыхъ се-

мействъ. За нихъ платили выкупъ... Ахъ, какъ это было бы хорошо и интересно! Она попадетъ въ плѣнъ къ знаменитой «грозѣ Закавказья», къ этому страшному разбойнику, одно имя котораго наводитъ ужасъ... И онъ пошлетъ за выкупомъ къ отцу... Или—нѣтъ... Не такъ... Выкупа онъ не спроситъ. Онъ плѣнится ею, Саломэ, и будетъ молить ее сдѣлаться его женою. Это еще лучше, во сто кратъ лучше... Она отвергнетъ его — она не можетъ любить погубителя столькихъ жизней. И онъ съ отчаяніемъ въ душѣ откажется отъ выкупа и отпуститъ ее на свободу...

О, сколько разсказовъ будетъ потомъ по возвращеніи осенью въ училище Св. Нины! Какъ станутъ завидывать ей, Саломэ, ея молоденькія одноклассницы!

И вся охваченная волненіемъ, она шепчетъ, хватая руку Сафара:

— О, скорѣе! Устрой мнѣ это скорѣе, Сафаръ! Я вовѣки не забуду твоей услуги!

Мальчикъ сосредоточенъ попрежнему и молчитъ. Блестятъ черные глаза, точно орошенныя дождемъ черешни.

— Хорошо,—говоритъ онъ, подумавъ, и, снявъ папаху, почесываетъ затылокъ. — Устрою... Ты

только отпросись завтра въ Тифлисъ на Майданъ (площадь въ Тифлисѣ, гдѣ постоянный базаръ), когда повезутъ виноградъ для продажи.

— Почему въ Тифлисъ? — изумляется Саломэ,—вѣдь онъ въ горахъ—твой разбойникъ?

— Не говори такъ громко. Языкъ у тебя какъ колоколъ,—грозно произнесъ мальчикъ.—Горы далеко. Тифлисъ—близко. На Майданѣ у знакомаго можно достать лошадей. Не пѣшкомъ же пойдемъ въ горы.

— Конечно! Конечно! — радуется Саломэ и хлопаетъ въ ладоши. — Достанемъ лошадей и помчимся въ горы!

— Говори тише!

— Я буду молчать, Сафаръ, я буду молчать, какъ мышь... Ахъ, какъ ты все хорошо придумалъ!.. Отцовскихъ лошадей взять нельзя, догадаются, а у знакомаго твоего можно... Умница ты, Сафаръ, алмазъ души моей, вѣдь наградилъ же твой Аллахъ тебя такой головою!

И Саломэ почти робко, съ явнымъ уваженіемъ гладитъ своей тонкой ручонкой бритую, мокрую отъ жары, голову товарища.

Какъ онъ мудро и тонко придумалъ все, этотъ славный Сафаръ!

II.

Всю ночь не спитъ дѣвочка. Нетерпѣніе увидѣть знаменитаго Абдулъ-Гаида такъ велико, что до сна ли ужъ тутъ! Надъ горячей головкой витаютъ грезы до самаго разсвѣта.

Съ первыми лучами солнца Саломэ уже на ногахъ.

Вчера еще испрошено разрѣшеніе у отца ѣхать въ арбѣ съ виноградарями и старой служанкой. Приведены причины необходимости лично поѣхать на Майданъ: выпала бирюза изъ любимаго колечка, необходимо вставить ее у знакомаго торговца драгоцѣнностями на Майданѣ.

Старикъ Мохнаидзе отпустилъ дочку. Послалъ старую Гайянэ съ нею. Садовникъ и Сафаръ ѣдутъ съ ними.

Виноградъ, предназначенный для продажи на базарѣ, везутъ въ арбѣ. Саломэ съ прислугою ѣдетъ въ маленькой плетеной коляскѣ, запряженной гнѣдымъ, испытаннымъ старымъ конемъ. Правитъ сама Саломэ.

Солнце уже высоко, когда, отмахавъ три версты, путники подъѣзжаютъ къ Майдану.

Колясочка ѣдетъ шагомъ вслѣдъ за скрипучей

арбою. Старая Гайянэ послана слѣдить за продажею плодовъ.

Не весь виноградъ изъ садовъ Мохнаидзе идетъ на вино. Часть его продается въ натуральномъ видѣ на Майданѣ и постоянно при посылкѣ туда старикъ командируетъ кого-либо изъ старыхъ слугъ слѣдить за сдачей корзинъ продавцамъ на Майданѣ.

Вотъ и площадь... Крики, смѣхъ, брань, суета, сопровождающіе базарную торговлю,—все это смѣшивается въ одинъ сплошной гулъ, повисшій надъ Майданомъ. Пестрота одеждъ необычайная. Подъ навѣсомъ убогихъ лавчонокъ сидятъ торговцы, всевозможныхъ національностей. Тутъ и персы, торгующіе драгоцѣнными камнями, и армяне съ золотыми и серебряными вещами. Дальше — мѣняла-грекъ; еще дальше — турокъ съ восточными тканями, житель Стамбула, случайно заброшенный на Кавказъ. Тутъ и духанъ *), гдѣ на открытомъ воздухѣ устроена печь, на ней вертелъ съ почти обуглившимися на немъ кусками баранины.

Вотъ цѣлый рядъ торговцевъ-лезгинъ, съ чеканными чернью по золоту кинжалами. Вотъ на-

*) Духанъ—харчевня.

весъ черкеса съ замѣчательно тонко выработаннымъ оружіемъ. А вонъ житель Дамаска продаетъ шелковые шарфы... Подлѣ него ларекъ татарина съ цѣлымъ приданымъ мужскихъ и женскихъ одеждъ.

Плетенка Саломэ и крытая арба останавливаются передъ отдѣленіемъ базара, гдѣ продаются фрукты. Гайянэ вылѣзаетъ, кряхтя.

Пока работникъ разгружаетъ арбу, по знаку Сафара, условившаяся съ нимъ заранѣе Саломэ, говоритъ самымъ невиннымъ тономъ:

— Сафаръ! Оставь лошадь Гиго... Мнѣ нужно, чтобы ты проводилъ меня къ лавкѣ драгоцѣнностей.

Работникъ-грузинъ отпускаетъ кивкомъ головы вопросительно взглянувшаго на него татарчонка.

Развѣ онъ, Гиго, можетъ ослушаться приказанія дочери хозяина? Пускай идетъ, куда хочетъ.

Старая Гайянэ ворчитъ:

— Этакъ до вечера не управиться, если одному работнику таскать корзины.

Но Саломэ избалована и упряма, какъ никто. Она — баловень отца, полусирота, выросшая безъ матери. Ея приказанія въ домѣ—законъ. Что можетъ подѣлать она, старая Гайянэ?

Сафаръ и Саломэ, взявшись за руки, почти бѣгутъ, держась въ тѣни навѣсовъ... Солнце пе-

четъ. Несмотря на легкое платье, Саломэ вся вымокла отъ жары. Потъ струится и по бронзовому лицу Сафара. Накаленные камни площади горятъ подъ ихъ ногами, какъ огонь.

— Гдѣ же, гдѣ же онъ живетъ, твой пріятель?—нетерпѣливо дергая Сафара за рукавъ бешмета, шепчетъ Саломэ.

— Сейчасъ узнаешь... Потерпи немного... — отвѣчаетъ Сафаръ и идетъ, сурово глядя себѣ подъ ноги.

Прошли до противоположнаго края Майдана. Уперлись въ стѣнку подлѣ духана съ крытой галлерейкой. За галлерейкой зіяетъ темное отверстіе для входа въ кунацкую.

— Идемъ! — энергично беря за руку Саломэ, говоритъ Сафаръ.

— Развѣ тутъ живетъ твой знакомый, который намъ дастъ лошадей?

— Тутъ.

Сафаръ смѣло входитъ въ подобіе двери, похожей на входъ въ логовище звѣря. Это бѣдная, совсѣмъ бѣдная харчевня для тифлисскихъ и окрестныхъ байгушей. Въ этотъ ранній часъ она почти пуста. Въ углу топится бухаръ *). Въ немъ

*) Бухаръ — каминъ.

на угольяхъ поставленъ котелокъ съ пахучимъ хинканомъ *). На тахтѣ **) въ противоположномъ углу, поджавъ ноги, сидитъ старый татаринъ, въ очкахъ съ длинной, бѣлой бородою. Подлѣ него суетится хозяинъ духана. Рядомъ не то портной, не то работникъ наскоро чинитъ огромную дыру въ рваной черкескѣ гостя.

Старикъ въ очкахъ жадно ѣстъ, тщательно выбирая жирные куски баранины съ тарелки, которую держитъ передъ нимъ хозяинъ. Жиръ капаетъ ему на бороду и стекаетъ по грязнымъ пальцамъ.

Сафаръ, войдя, почтительно останавливается у порога, прикладываетъ руку ко лбу, губамъ и сердцу, что по мусульманскому обычаю означаетъ привѣтъ.

— Это Сафаръ изъ аула Орнуди! — подобострастно нагнувшись къ уху старика, говоритъ хозяинъ.—Онъ, даромъ что молодъ, умѣетъ быть полезенъ для насъ.

— Ты Сафаръ? Подойди ближе, соколенокъ!— не отрываясь отъ ѣды, приказываетъ старикъ.

Мальчикъ приближается... Въ пламенныхъ

---

*) Хинканъ — настой изъ цвѣтовъ.

**) Тахта — низкій диванъ.

восточныхъ глазахъ его сказывается явный восторгъ.

Онъ смотритъ на старика такимъ взглядомъ, точно самъ Аллахъ или пророкъ Магометъ сошелъ на землю въ его лицѣ.

— Ты изъ аула Орнуди, сынъ мой? — снова спрашиваетъ старикъ.—А эта дѣвушка тоже?

Онъ прищуривается подъ дымчатыми стеклами очковъ на Саломэ. Потомъ глядитъ поверхъ нихъ, и Саломэ видитъ его глаза, красные маленькіе съ припухшими вѣками.

Этотъ старикъ, съ его очками и грязными закапанными жиромъ пальцами, съ его засаленнымъ халатомъ и неопрятною бородой, донельзя противенъ ей.

— Кто ты, гурія? *) — спрашиваетъ онъ дѣвушку.

Она называетъ свое имя и имя отца.

— Хорошій человѣкъ Мохнаидзе, — говоритъ старый татаринъ.—Перстъ Аллаха да будетъ вовѣки на его челѣ. Ему нечего бояться. Его никто не станетъ обижать. Совѣсть его чиста, какъ утреннія зори... Ты счастлива, дѣвушка, что у тебя такой отецъ.

---

*) Гурія — дѣвушка.

Потомъ онъ спрашиваетъ Сафара что-то быстро, быстро на непонятномъ Саломэ не то лезгинскомъ, не то татарскомъ нарѣчіи.

Сафаръ съ Саломэ всегда говоритъ по-грузински; онъ съ дѣтства владѣетъ этимъ языкомъ. Саломэ же не понимаетъ ни по-лезгински, ни по-татарски.

Старикъ, говоря, волнуется, жестикулируетъ. Очки съѣхали на кончикъ носа. Некрасивое лицо стало похоже на голову филина.

Сафаръ отвѣчаетъ почтительно и робко. Саломэ никогда не видѣла его такимъ.

Вдругъ старикъ встаетъ. Его сутуловатая спина выгибается.

Портняжный подмастерье съ Майдана, успѣвшій зачинить дыру въ черкескѣ, подаетъ ее хозяину, помогаетъ надѣть ее и всѣ трое: подмастерье, Сафаръ и Саломэ, низко склоняютъ головы, когда старикъ, направляясь къ выходу изъ духана, съ нахлобученной по самыя брови папахой, проходитъ мимо нихъ.

Когда его высокая фигура уже исчезла за дверью, въ духанѣ наступила тишина. Только слышно было потрескиваніе угля въ каминѣ.

Саломэ становится вдругъ неизъяснимо тоскливо на душѣ.

— Скажи твоему знакомому, чтобы далъ намъ лошадей скакать въ горы къ Абдулъ-Ганду, — шепчетъ она, обращаясь къ Сафару, и вдругъ смолкаетъ невольно.

Пальцы Сафара, какъ клещи, впиваются ей въ кисть руки.

— Ради Аллаха, молчи!.. Не произноси этого имени здѣсь! — испуганно шепчетъ мальчикъ.

Саломэ недоумѣваетъ. Что съ нимъ? Почему нельзя говорить? И когда же наконецъ онъ будетъ просить лошадей у своего пріятеля?

Она нетерпѣлива. Черные глазенки ея уже пылаютъ негодованіемъ.

— Я уйду. Какая тоска!.. Лошадей нѣтъ. Мнѣ здѣсь скучно, — ворчливо шепчетъ она, надувая губки и выразивъ гримасу недовольства на своемъ хорошенькомъ личикѣ, и добавляетъ совсѣмъ по-дѣтски:

— И какъ тутъ скверно пахнетъ, въ этомъ противномъ духанѣ, Сафаръ!.. Мнѣ становится дурно...

Тогда татарчонокъ выводитъ ее на воздухъ.

Яркое солнце молодой южной осени дерзко смѣется имъ въ лицо... Пестрая толпа на Майданѣ развлекаетъ сразу. Оглушаютъ шумъ, крики, брань и смѣхъ... Легко дышится послѣ той трущобы!

— А лошади, гдѣ же лошади? — все еще недовольнымъ голосомъ тянетъ Саломэ.

Сафаръ поворачиваетъ къ дѣвочкѣ свое оживленное сейчасъ, бронзовое отъ загара лицо.

— Лошади? Зачѣмъ тебѣ лошади? Не будетъ лошадей, — говоритъ онъ спокойно, точно рубитъ слова.

— Какъ не будетъ? А скакать въ горы къ «нему»!? Или ты забылъ?—вырывается пылко у Саломэ.

— Зачѣмъ лошади... — пожимаетъ плечами Сафаръ.—Зачѣмъ къ нему ѣхать? Онъ самъ былъ здѣсь... Ты видѣла его... Ты съ нимъ говорила... Будетъ теперь: Сафаръ сдержалъ свое слово, Сафаръ показалъ тебѣ его!

— Какъ? Такъ, значитъ, этотъ старикъ и есть Абдулъ-Гаидъ?

Отъ удивленія глаза Саломэ стали круглыми какъ у птицы, ротъ открылся, и брови высоко-высоко поднялись.

«Какъ наивна эта дѣвушка, — думаетъ Сафаръ, — если не сумѣла оцѣнить орла Абдулъ-Гаида съ первой же встрѣчи!»—Онъ почти съ сожалѣніемъ смотритъ на свою спутницу.

— Онъ храбрый изъ храбрыхъ. Самъ Аллахъ наградилъ его смѣлостью барса, мудростью змія

и отвагой настоящаго князя горъ! — говоритъ Сафаръ восторженнымъ голосомъ съ горящими глазами и воодушевленнымъ лицомъ. И тутъ-же прибавляетъ съ долей тщеславной гордости:

— Онъ приказалъ мнѣ пойти въ аулъ Орнуди и отнести привѣтъ отъ него его кунаку *). Привѣтъ и порученіе,—заканчиваетъ онъ чуть слышно.

Въ лицѣ Саломэ полное разочарованіе.

Такимъ ли воображала она Абдулъ-Гаида, вождя горныхъ душмановъ, «грозу Закавказья»!

Прекрасный образъ исчезъ въ туманѣ, какъ призрачная мечта. Вмѣсто молодого красавца-атамана, она увидѣла грязнаго, жадно поѣдающаго жирными пальцами куски баранины, старика, съ подслѣповатыми глазами, въ очкахъ, безобразнаго, отвратительнаго, какъ байгушъ!

Саломэ обидно и какъ-то неловко за созданный ею такъ легко и опрометчиво плѣнительный образъ.

— Онъ уродъ, противный нищій, твой Абдулъ-Гаидъ!—говоритъ она Сафару и нервно смѣется.

Тотъ вздрагиваетъ, какъ подъ ударомъ хлыста.

— Молчи! Молчи! Не смѣй говорить, чего не знаешь!..—срывается у него и ярче пылаютъ его восточные глаза. — Орелъ онъ! Храбрецъ! Воинъ Пророка!

*) Кунакъ — пріятель.

— Просто плюгавый хищный хорекъ! Вотъ кто онъ!—возражаетъ Саломэ и уже хохочетъ, звонко, заразительно, весело. Но на душѣ ей невесело и непонятная тоска волнуетъ сердце. Не легко разстаться съ юной, дѣвичьей мечтой! А она такъ мечтала быть центромъ вниманія въ училищѣ Святой Нины съ ея предполагаемыми разсказами о красавцѣ-вождѣ душмановъ и о встрѣчѣ его съ ней!

Вотъ такъ вождь! Вотъ такъ красавецъ! Пугало, страшилище, уродъ!

III.

До лавки продавца винограда уже недалеко... Издали видны знакомая арба и фигура Гайянэ, неподвижно сидящей въ плетенкѣ...

Очевидно, старуха устала ждать убѣжавшихъ дѣтей и дремлетъ въ тѣни навѣса.

Сафаръ и Саломэ ускоряютъ шагъ. Не доходя до фруктоваго ларька, Сафаръ вдругъ рѣзко останавливается и, схвативъ руку Саломэ, говоритъ сурово, отчеканивая каждое слово:

— Слушай меня: если ты кому-нибудь скажешь, гдѣ видѣла «его», берегись!

И обычно серьезные глаза его смотрятъ ужасающе.

Саломэ обижена.

Не считаетъ ли онъ ее предательницей! Этого еще недоставало!

— Въ семьѣ Мохнаидзе не было еще доносчиковъ! Не было и не будетъ!—бросаетъ она гордо черезъ плечо своему спутнику и проходитъ гордо впередъ.

Подъ колючимъ полуденнымъ солнцемъ они возвращаются назадъ, къ тому мѣсту, гдѣ оставили Гайанэ.

Спустя нѣсколько минутъ, арба и коляска двинулись въ путь.

Сафаръ и Саломэ сидятъ всю дорогу молча. Не перемолвившись ни словомъ, они подъѣзжаютъ къ дому. Какая-то трещинка образовалась въ ихъ дружескихъ отношеніяхъ за этотъ день.

— А всему виною противный старикъ,—негодуетъ Саломэ, бросая украдкой обиженные взгляды на своего пріятеля, выпрягающаго изъ арбы измученную отъ жары пару воловъ.

И только вечеромъ, когда зашло солнце, и Сафаръ и Саломэ стали любоваться его пламеннымъ румянцемъ, отраженнымъ въ водахъ Куры, утренняя размолвка была забыта.

Чудный вечеръ слишкомъ хорошъ и ласковъ, чтобы дать возможность господствовать темнымъ силамъ вражды.

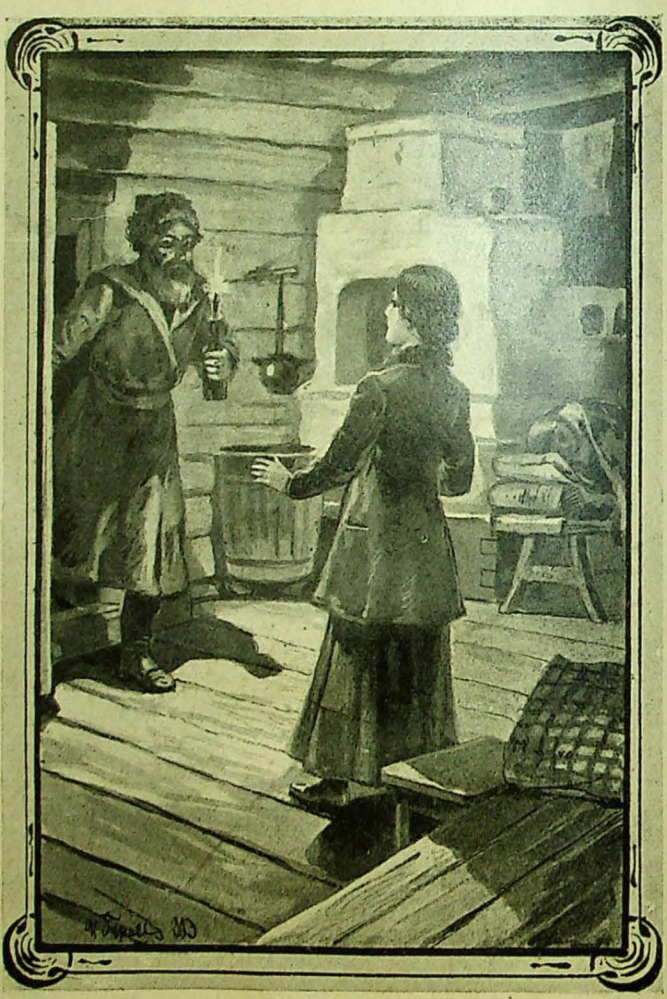
Вообще между добрыми друзьями нѣтъ мѣста продолжительной размолвкѣ...

Вновь звучитъ весело гортанный голосъ Сафара, и безпечно, какъ птичка, заливается Саломэ.

А вечеромъ, лежа въ своей мягкой постели, устроенной на отцовской тахтѣ, Саломэ снова вспоминаетъ утреннюю встрѣчу.

И тотчасъ же гонитъ отъ себя непріятный образъ Абдулъ-Гаида, какъ злой призракъ или кошмарный сонъ...

Гос. Публичная Библиотека
Ленинград



Пашенька подалась назадъ...

129
3429

ПАШЕНЬКА

РАЗСКАЗЪ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ рисункомъ И. Гурьева

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ
1 остин. Дв., 18 и Невскій, 13
Москва
Кузн. М., 12 и Тверская, 22
1914

Печать типографіи
Т-ва М. О. Вольфъ
[illegible]
1914

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

ПАШЕНЬКА

I.

ВЕЧЕРЪ, январскій, студеный... Воетъ вѣтеръ за окномъ; гуляетъ метелица въ полѣ... Деревня Рябиновка, занесенная снѣгомъ, крѣпко спитъ, несмотря на ранній еще сравнительно часъ. Только въ одномъ оконцѣ крайней избы свѣтится, мигая, огонекъ.

Рябиновская школьная учительница, Пашенька Благовѣщенская, дочь отца Никанора, священника изъ ближайшаго села, сидитъ за столомъ въ своей крошечной свѣтелкѣ, примыкающей къ классному помѣщенію. Цѣлый ворохъ ученическихъ тетрадей лежитъ передъ дѣвушкой. Нужно нынче же во что бы то ни стало исправить работу учениковъ, между тѣмъ, какъ нарочно, бѣлокурая головка Пашеньки положительно отказывается отъ этого занятія. И не то, чтобы устала дѣвушка или сонъ сморилъ ее, просто иныя, далекія ра-

ботѣ, мысли кружатъ голову молоденькой школьной учительницы, въ то время какъ руки почти механически исправляютъ ошибки въ школьныхъ дѣтскихъ работахъ.

— Завтра, завтра какой день-то у нашихъ!— шепчутъ румяныя губы Пашеньки. — А меня-то и не будетъ съ ними... Папашино рожденіе! Отовсюду родные и знакомые понаѣдутъ. Какъ радъ, какъ счастливъ былъ бы отецъ повидать и меня въ этотъ день!.. И сколько веселья будетъ дома!.. А ты сиди тутъ, словно чужая. А почему? Изъза денегъ, изъ-за нужды. Подвода до Кусова три съ полтиной стоитъ. И то не у нашихъ крестьянъ— тѣ бы и даромъ свезли, да лошади въ разгонѣ: дрова въ городъ возятъ. Нанимать у Пережалова надо. Тотъ сдеретъ деньжищъ уйму. А гдѣ онѣ, деньги-то? Пятнадцать рублей жалованья—на него не разъѣдешься... Пить,ѣсть, одѣваться надо... Развѣ три съ полтиной урвешь съ такого капитала?

Пашенька задумалась. Глаза ея, обычно сверкающіе оживленіемъ, потускнѣли. Даже слезинки, непрошенныя гостьи, навернулись ей на рѣсницы.

— Какъ хорошо-бы поздравить завтра отца, да провести денекъ опять среди родныхъ!—разсуждала Пашенька.—И какъ весело у нашихъ

будетъ!.. Мамаша пироги съ рисомъ и капустой, должно быть, напечетъ... Аладьи съ вареньемъ... Гуся... Затѣмъ будутъ наливки домашнія, орѣхи, леденцы... И вѣдь всего 15 верстъ до Кусова только. Кажись, рукой подать. Анъ нѣтъ: близокъ локоть, да не укусишь... И у папаши, какъ на грѣхъ, своей лошадки нѣтъ. Бѣдная ихъ семья, не обзавелись. А то чего бы ужъ лучше: прислали бы лошадь, и Пашенька тутъ какъ тутъ, въ Кусовѣ черезъ два часа, еще того меньше...

Дѣвушка задумалась глубже. Ниже опустилась надъ тетрадями бѣлокурая головка...

Тяжело вздыхая, продолжала свою работу Пашенька.

Вотъ и послѣдняя тетрадка отброшена въ сторону, а мысли не развѣялись, мысли все тѣ же...

— Завтра папашино рожденіе... суббота какъ разъ... Разъ единый уроки пропустить можно. Папашино рожденіе — случай исключительный, всякій поймetъ и не осудитъ. А вотъ добраться до Кусова какъ безъ подводы и лошади? Дорогато лѣсомъ, какъ нарочно, а по лѣсу, если пѣшкомъ идти—жутко одной.

— Тукъ, тукъ, тукъ!—послышались внезапно постукиванія въ сѣняхъ у Пашенькиной двери.

Вздрогнувъ отъ неожиданности, молоденькая

учительница встала со своего мѣста и поспѣшно вышла изъ комнаты.

— Кто тутъ?—прозвучалъ особенно четко ея голосъ въ сѣняхъ.

— Откройте, Прасковья Никаноровна, это я, Петька,—зазвенѣлъ снаружи отвѣтный голосокъ.

— Что случилось, Петя? Мать заболѣла что ли?—озабоченно спросила Пашенька, распахивая входную дверь передъ мальчуганомъ лѣтъ четырнадцати, закутаннымъ въ теплый полушубокъ.

Этотъ Петька былъ сынъ Матрены, которую успѣшно лечила домашними средствами Пашенька.

— Не, мамка, слава Богу, ничего. Она меня сюды и послала. Гритъ. «Прасковья Никаноровна къ родителю на рожденіе въ гости сбиралась, мнѣ нынче сказывала, а лошадки-то ей не достать,—лошадки уморились за день на работѣ. А вотъ, гритъ, ты-бъ, Петька, барышню—учительшу пѣхомъ проводилъ до Кусова, а тамъ, може, съ попутчиками вернетесь оба»... Хошь, што-ль, Прасковья Никаноровна, я провожу? До разсвѣта въ Кусовѣ будемъ. Я дорогу-то знаю, часто хаживалъ, живо добредемъ.

— Ночью-то?

— А то што же? Неужто до утра дожидаться? Мы духомъ.

— Да метель, видишь, какая,—слабо протестовала Пашенька, въ то время какъ сердце ея забило радостную тревогу.

— А намъ что про метель то думать? Метель страшна въ полѣ, а въ лѣсу хошь бы ничто. И опять же дорогу я знаю.

Петька говорилъ тономъ взрослаго человѣка, на опытъ котораго вполнѣ можно было положиться. А бѣдной Пашенькѣ такъ хотѣлось пробыть денекъ-другой въ родной семьѣ. Развѣ она могла противостать такому горячему желанію?

Быстро одѣвшись въ свѣтлую блузку и новую юбку и закутавшись въ большой платокъ поверхъ теплой шубейки, Пашенька заперла на ключъ школу, привѣсила на гвоздѣ бумажку, извѣщавшую о ея временномъ, на одинъ день, отсутствіи, и въ сопровожденіи Петьки пустилась въ путь.

II.

Метель довольно основательно хозяйничала на улицѣ. Но молодые путники не особенно боялись ея. Петька храбро шагалъ впереди; Пашенька едва поспѣвала за нимъ.

Этотъ самый Петька былъ гордостью ея школы. Расторопный, смѣтливый, бойкій мальчикъ, онъ

считался первымъ по ученію изъ всей рябиновской дѣтворы.

И молодая дѣвушка была очень довольна имѣть спутникомъ своего любимца, съ которымъ можно было поговорить во время скучнаго пути.

Небольшое поле пришлось пройти подъ сплошное бѣснованіе метели. Ноги утопали въ рыхломъ снѣгу. Вѣтеръ хлесталъ лица и захватывалъ дыханіе. Но едва добрались до лѣса, стало куда легче продолжать дорогу.

Отошли уже версты двѣ отъ Рябиновки по лѣсной дорогѣ, какъ Петька неожиданно изрекъ:

— А знаешь, Прасковья Никаноровна, что ежели намъ подъ Волчій яръ махнуть? Вѣдь такимъ манеромъ мы версты четыре скосимъ вѣрныхъ.

— А ты не боишься Волчьяго яра, Петя?

— Ну, вотъ еще!.. Сама вѣдь ты намедни насъ, ребятъ, учивала, что никакихъ вѣдуновъ-колдуновъ на свѣтѣ нѣтути... Чего-жъ бояться-то? Да и для чего намъ къ Волку заходить? Отдыхать, что ли, у него станемъ, чаи распивать али кофеи?

И Петька весело расхохотался, очень довольный своей шуткой.

Волчій яръ считался нечистымъ мѣстомъ у

крестьянъ деревни Рябиновки. Въ Волчьемъ ярѣ была изба отщепенца, изгнаннаго всей деревней, Ивана Волкова. Этотъ Иванъ Волковъ считался колдуномъ у простодушныхъ, легко вѣрящихъ всякого рода небылицамъ крестьянъ. Ходили о Волковѣ, или просто Волкѣ, темные слухи, что зналъ онъ будто-бъ какое-то наговорное слово, по которому то моръ скота приключался, то градъ побивалъ поля, то умирали грудныя дѣти. Безъ роду и племени, пришедшій и поселившійся бобылемъ, Волкъ внушалъ своей особой всяческое недовѣріе въ людяхъ. Всѣмъ міромъ на сходкѣ порѣшили прогнать Волка изъ Рябиновки, и онъ, волей-неволей, долженъ былъ поселиться въ лѣсу.

Въ это время какъ разъ умеръ лѣсной сторожъ. Волкъ попросился на его мѣсто, и владѣлецъ сосѣдняго имѣнія, князь, принялъ его. Вслѣдъ за этимъ не замедлилъ распространиться новый слухъ по деревнѣ: будто злодѣй-колдунъ Волкъ напустилъ разными приговорами смерть на лѣсника, чтобы воспользоваться его мѣстомъ. И, когда въ лѣсу поселился новый лѣсникъ Волкъ, люди изъ сосѣднихъ деревень далеко обходили его жилище, избѣгая привлечь на себя вниманіе колдуна и тѣмъ попасть на вѣрную гибель. Говорили, что Волкъ прикидывается оборотнемъ, замани-

ваетъ людей въ чащу и тамъ убиваетъ ихъ. Но однимъ слухамъ вѣрить нельзя, а фактовъ, пока что, о гибели людей при участіи Волка не было. И Пашенька съ Петькой, желавшіе попасть во что бы то ни стало какъ можно скорѣе въ Кусово, менѣе всего думали о Волкѣ и о его возможныхъ козняхъ.

* * *

Луна сквозь сѣтку метели свѣтила тускло. Вѣтеръ усилился и крутилъ между деревьями съ особеннымъ остервенѣніемъ.

Ноги Пашеньки и ея юнаго спутника увязали по колѣна въ снѣгъ. Волчій яръ, черезъ который лежалъ теперь ихъ путь, былъ недалеко. Но чѣмъ ближе подходили они къ нему, тѣмъ сильнѣе крутилъ вѣтеръ, тѣмъ свирѣпѣе становилась вьюга. Пашенька совсѣмъ выбилась изъ силъ. Усталыя ноги отказывались служить. Даже привычный къ продолжительной ходьбѣ Петька и тотъ пріунылъ.

Чтобы развлечь какъ-нибудь своего юнаго спутника, Пашенька стала разсказывать ему о всѣхъ тѣхъ пріятныхъ вещахъ, которыя ожидали ихъ въ Кусовѣ: пирогахъ съ рисомъ и капустой, аладьяхъ съ творогомъ, соленыхъ груздяхъ, орѣхахъ съ леденцами...

Петька ѣздилъ въ Кусово на святки и успѣлъ уже познакомиться съ гостепріимствомъ семьи отца Никанора. Но на этотъ разъ ожидаемыя угощенія не произвели особеннаго впечатлѣнія на мальчика.

— Лядъ ее возьми, эту непогоду!—ворчалъ онъ себѣ подъ носъ,—вѣдь кто же могъ думать, что такъ разыграется? Ишь мететъ!.. Того и гляди собьетъ съ дороги!

Пашенька жестоко раскаивалась въ томъ, что, не выждавъ разсвѣта, пустилась въ путь. На ея совѣсти ложилась отвѣтственность за Петьку передъ больной Матреной. Мальчикъ, едва передвигая ноги отъ усталости, медленно подвигался къ Волчьему яру. Пашенька чувствовала себя не лучше.

Метель, казавшаяся еще ничтожной съ вечера, теперь разгулялась во всю свою мощь.

До Кусова насчитывалось съ добрый пятокъ верстъ. До Волчьяго яра—съ четверть версты или около этого. Уже мелькалъ издали огонекъ въ избѣ лѣсника. Пашенька давно примѣтила этотъ огонекъ, тускло свѣтившій сквозь метелицу и вьюгу. Внезапно въ головѣ ея созрѣла мысль: «Что, если зайтивъ избу Волка и переждать непогоду?» И она тотчасъ же подѣлилась ею съ Петькой.

— А тебѣ не боязно?—въ свою очередь задалъ онъ вопросъ дѣвушкѣ.

Пашенька искренно разсмѣялась.

— Колдуна-то? Да вѣдь ты самъ говорилъ, Петя, что не бываетъ колдуновъ на свѣтѣ. А сейчасъ никакъ на попятный?

— Я-то? Ни въ жисть!—горячо вырвалось у мальчика.—Что я, несмышленочекъ, што ли, вѣрю, что есть какіе-то колдуны?.. Пойдемъ къ Волку, если такъ, переночевать проситься, Прасковья Никаноровна, все едино замететъ снѣгомъ въ лѣсу.

И подбодренный этою мыслью, онъ быстрѣе зашагалъ по направленію домика лѣсника.

III.

На порогѣ избы Пашеньку съ Петькой встрѣтилъ высокій, нѣсколько сгорбленный человѣкъ, широкоплечій, богатырскаго сложенія.

«Настоящій лѣсной житель»,—вихремъ пронеслось въ мысляхъ дѣвушки при видѣ хозяина избушки.

Угрюмо, исподлобья глядя на пришедшихъ, онъ буркнулъ себѣ подъ носъ вопросъ:

— Что надоть?

— Впусти, ради Бога, въ избу переночевать,

дядя,—взмолилась Пашенька,—видишь, метель какая, всѣ пути занесло.

— А вы кто такіе будете?—недовѣрчиво обратился онъ къ нимъ.

— Я—рябиновская учительница, а мальчуганъ —ученикъ мой, школьникъ.

— Что-жъ вы въ такую непогоду изъ дому вышли? Аль спѣхъ какой?

Пашенька невольно смутилась при этомъ вопросѣ. Дѣйствительно, нехорошо она поступила, пускаясь въ путь ночью, не дождавшись утра. Несолидно это, по-дѣтски какъ-то вышло.

Волкъ точно угадалъ ея мысли.

— А еще учительша! Сама равно дите малое. Ишь въ каку метель понесло. Ну, да ужъ ладно. Разъ пришли—входи. Ѣсть-то, поди, охота? Хлѣбушка съ молокомъ похлебайте...

И онъ, пропустивъ своихъ нежданныхъ гостей впередъ, прошелъ въ избушку.

Пашенька не безъ любопытства оглядѣла углы этой избушки.

Длинныя лавки тянулись вдоль стѣны. Грубо сколоченный столъ стоялъ посреди. На столѣ—огарокъ свѣчи, воткнутый въ бутылку. Въ углу на лежанкѣ, какое-то тряпье, замѣняющее постель. Въ углу на стѣнѣ большой образъ, который

привлекъ сразу вниманіе Пашеньки и ея спутника. Передъ образомъ теплилась лампада.

«Какія глупости говорятъ иногда люди: ну, что общаго со злодѣемъ нашли они въ этомъ человѣкѣ?»—мелькнула мысль въ головѣ Пашеньки, и безъ тѣни смущенія она усѣлась за столъ, предварительно сбросивъ съ себя шубку и платокъ.

— Нате-ка, поѣшьте, что Богъ послалъ, не обезсудьте,—произнесъ съ полупоклономъ Волкъ, ставя на столъ передъ учительницей и ея спутникомъ крынку съ молокомъ. Потомъ онъ нарѣзалъ имъ ломтей хлѣба и далъ по деревянной ложкѣ въ руки.

— Хлѣбъ да соль!—произнесъ онъ и хмуро улыбнулся.

Проголодавшіеся не на шутку путники принялись за ѣду. Долгая дорога развила въ обоихъ немалый аппетитъ. Даже усталость какъ бы отошла на второй планъ за ужиномъ.

Съ удовольствіемъ закусивъ чернымъ хлѣбомъ, накрошеннымъ въ молокѣ, Пашенька и Петька стали устраиваться на лавкахъ.

Хозяинъ, крестясь и вздыхая, полѣзъ на печку, потушивъ мимоходомъ свѣчу.

Полная темнота воцарилась въ избушкѣ.

Слышно было только, какъ трещалъ въ углу сверчокъ, да кряхтѣлъ и вздыхалъ на печкѣ Волкъ.

Вскорѣ вздохи и кряхтѣніе замѣнились могучимъ храпомъ, наполнившимъ всѣ уголки избы.

Пашенька долго ворочалась на своей жесткой постели. Въ головѣ носились соблазнительныя картины завтрашняго утра, радостная встрѣча съ родными, пріятный день въ кругу близкихъ, дорогихъ сердцу... Какой пріятный сюрпризъ готовитъ она своимъ приходомъ имъ всѣмъ...

Незамѣтно, среди этихъ радужныхъ грезъ о предстоящемъ ей завтра удовольствіи, молодая дѣвушка заснула.

Ея юный спутникъ уже храпѣлъ давно, свернувшись калачикомъ въ своемъ уголку.

* * *

Странный шорохъ внезапно разбудилъ Пашеньку. Она проснулась, сѣла на лавкѣ и стала всматриваться въ темноту. До разсвѣта было еще далеко. Шорохъ повторился. Кто-то открывалъ сосѣднюю дверь въ сѣняхъ.

Невольно волнуясь, Пашенька вся обратилась въ слухъ. Услужливая фантазія уже нарисовала въ ея горячей головкѣ хитрые узоры. Что, если Волкъ, дѣйствительно, лихой человѣкъ, промышля-

етъ кражами, разбоемъ? Конечно, о колдовствѣ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Но видъ у Волка довольно угрюмый и жуткій, и глаза не смотрятъ прямо. Не вѣритъ она, Пашенька, тѣмъ людямъ, которые въ глаза прямо не смотрятъ...

Между тѣмъ, рядомъ, за стѣною, послышались какіе-то подозрительные звуки. Какъ будто кто то разговаривалъ. Говорило двое людей: одинъ сердитымъ шопотомъ, другой молящимъ. До уха Пашеньки теперь уже ясно долетали отдѣльныя слова.

— Пощади... Не губи, Иванъ Ѳадденчъ... Семья на плечахъ... Дѣтки малыя... жена... Пустишь по міру, коли что...

Что отвѣчалъ другой голосъ, какъ ни напрягала слухъ Пашенька, разобрать не могла. Спустя нѣсколько минутъ за стѣною послышалась какая-то странная возня... Кто-то рухнулъ на полъ съ такой силой, что задрожали половицы и стѣны избы.

— Не убивай! Смилуйся! Богомъ клянусь, отслужу за это!—совсѣмъ уже явственно донесся до ушей Пашеньки отчаянный, заглушенный рыданіемъ вопль.

Не было никакого сомнѣнія: Волкъ—убійца и разбойникъ, губитель людей, готовился сейчасъ совершить какое-то новое звѣрство.

Не разсуждая объ опасности, грозившей ей самой, помня только одну необходимость предотвратить убійство, Пашенька, внѣ себя отъ волненія, кинулась къ порогу, ощупью въ темнотѣ отыскивая путь.

Вдругъ мелькнула полоска свѣта, и самъ Волкъ, словно изъ-подъ земли, выросъ передъ дѣвушкой, держа въ рукахъ свѣчу.

Пашенька невольно вскрикнула и подалась назадъ.

«О, ужель Волкъ успѣлъ убить свою жертву.— мелькнуло въ ея головѣ.—Не даромъ у него такое лицо.»

Лицо Волка сейчасъ казалось, дѣйствительно, особенно возбужденнымъ. Блѣдный, съ наливши мися кровью глазами, съ надувшимися жилами на лицѣ, онъ былъ страшенъ. Тяжело дыша, онъ поставилъ свѣчу на столъ, самъ сѣлъ на лавку и, замѣтивъ, что Пашенька не спитъ, забурчалъ:

— Экіе люди! Экіе люди! Ни креста, ни совѣсти! И котораго такъ ловлю! Ночью въ непогоду проберутся въ лѣсъ, подъ метель-то не слыхать, да и ну деревья рубить... Извѣстное дѣло, порубятъ, отвезутъ на продажу, а ты тутъ отвѣчай помѣщику. Лѣсъ-то княжецкій, не мой. Поймалъ тутъ одного, заперъ въ боковушкѣ, грозилъ въ

городъ въ полицію отвезти... Такъ взмолился Христомъ Богомъ: «избей ты меня, Иванъ Ѳадденичъ, только въ судъ не отдавай. Убьешь, молъ, семью загубишь... Мнѣ-то тюрьма, а имъ сума нищенская». Ну что тутъ съ дуракомъ подѣлаешь. Научилъ его, какъ слѣдуетъ, да и прогналъ. Лошадь его тутъ было арестовалъ—ну, отдалъ и лошадь... Богъ съ нимъ... Мужику безъ лошади—одно слово смерть... А поучилъ шибко... На долго отбилъ охоту лѣсъ воровать...

И, переводя духъ, Волкъ отеръ потъ, обильно катившійся по блѣдному лицу.

— Такъ вы не хотѣли убить его?—неожиданно, помимо ея собственнаго желанія, вырвалось изъ груди Пашеньки.

— Да што ты? Очнись, барышня,—даже вздрогнувъ отъ неожиданности такого вопроса, произнесъ Волкъ,—да что я за душегубъ такой взялся! Нешто понять я не могу, что съ горя да нужды мужики на такія дѣла идутъ?.. Дѣтки малыя хлѣба просятъ, а гдѣ его взять, ежели недородъ. Ну и промышляютъ тишкомъ въ чужомъ лѣсу. А по головкѣ за то гладить нельзя, вѣстимо. Ну да что объ этомъ толковать...—прибавилъ онъ.—Ты спать ложись, барышня, до утра далече, а я хлѣбушка ученику моему отнесу. Поучилъ я его

уму-разуму, а теперь и дѣтокъ его пожалѣть надо.

И, взявъ остававшійся на столѣ полкаравая хлѣба, Волкъ вышелъ въ сѣни, пріоткрылъ наружную дверь и крикнулъ кому-то.

— Ей, Евстигней, отвези хлѣбца ребятишкамъ. Чай, наголодались. На, вотъ.

Со двора долетало фырканье лошади и отвѣтный голосъ мужчины.

— Спасибо, Иванъ Ѳадденчъ... Вѣкъ буду Бога молить за тебя... И за хлѣбушко, а пуще за то, что не довелъ меня до суда...

И мужичокъ даже всхлипнулъ при послѣднихъ словахъ...

* * *

До утра было далеко, но Пашенька долго не могла уснуть. Мысли о Волкѣ, о несправедливомъ отношеніи къ нему людей, не давали покоя дѣвушкѣ. Ей было безконечно жаль этого человѣка, такъ незаслуженно обиженнаго, въ то время какъ въ душѣ его жило столько человѣческаго и отзывчиваго къ людскимъ скорбямъ.

Только съ первыми проблесками разсвѣта заснула Пашенька. Черезъ часъ она была разбужена Петей.

Подкрѣпленные, съ новыми силами, путники,

поблагодаривъ Волка, не пожелавшаго взять ни гроша съ «учительши» за постой, пустились снова въ дорогу.

Метель за ночь улеглась; вѣтеръ утихъ.

Весь послѣдующій путь они прошли весело и бодро.

Съ какимъ восторгомъ, съ какимъ шумнымъ ликованіемъ встрѣтили Пашеньку въ Кусовѣ! Какъ ей обрадовались всѣ въ родномъ домѣ! А когда узнали, чѣмъ рисковала дѣвушка ради счастья поздравить дорогого новорожденнаго, то отецъ съ матерью сначала пожурили свою «неразумную Пашеньку», а потомъ со слезами на глазахъ расцѣловали ее.

Не мало было разговоровъ и о ночевкѣ въ Волчьемъ ярѣ и о ночномъ происшествіи. Окружающіе Пашеньку ахали и охали, узнавъ, что дѣвушка не побоялась провести ночь подъ кровомъ человѣка, о которомъ шла нехорошая слава по всей окрестности.

Но разсказъ Пашеньки о великодушіи Волка измѣнилъ мнѣніе о немъ. Между прочимъ, отецъ Никаноръ обѣщалъ дочери произнести въ ближайшій праздникъ проповѣдь на тему о заблужденіи людскомъ, о вредѣ суевѣрія и о людскихъ клеветахъ. Сама Пашенька уже рѣшила такъ или ина-

че вразумить крестьянъ по поводу ложно сложившагося у нихъ понятія о Волкѣ и убѣдить ихъ принять его снова въ свою среду...

А пока она рѣшила отбросить всѣ печальныя мысли и повеселиться на семейномъ праздникѣ, въ кругу дорогихъ и близкихъ людей.

Это желаніе вполнѣ раздѣлялъ и ея смѣлый юный провожатый, воздавая должную дань кулинарному искусству матушки Благовѣщенской, уничтоживъ чуть ли не дюжину кусковъ домашняго пирога и прочей снѣди.

На слѣдующій день отвезли Пашеньку съ попутчиками въ деревню Рябиновку.

1853 1883
MOB

Женя гонится за поросятами...

129
3430

ЖЕНЯ

РАЗСКАЗЪ

Л. А. ЧАРСКОЙ

Съ 1 рисункомъ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ
Гостин. Дв., 18 и Невскій, 13
Москва
Кузн. М., 12 и Тверская, 22
1914

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ, Вас. Остр., Пушкинъ, Кол. Ломъ.
1914

ЖЕНЯ

ТЕРПѢНІЯ нѣтъ съ этимъ ребенкомъ! Царица Небесная, не за грѣхи ли онъ посланъ мнѣ!—восклицала съ неподдѣльнымъ ужасомъ тетя Соня, качая головой и размахивая лиловыми лентами своего бѣлаго чепца.

Тетя Соня, обыкновенно тихая, добрая и кроткая, съ утра до вечера занятая своимъ несложнымъ хозяйствомъ, теперь очень взволнована шалостями «ребенка». А возбуждающій справедливое негодованіе тети Сони «ребенокъ»—смуглая, черноглазая и черноволосая Женя, уже болѣе получаса гонится за поросятами на дворѣ. Ей, кажется, доставляетъ невообразимое удовольствіе безпокоить этихъ бѣдныхъ животныхъ.

— И глупый песъ Сѣрко туда же! Носится съ оглушительнымъ лаемъ впереди своей молоденькой хозяйки! Нечего сказать, чудесный примѣръ подаетъ ему Женя. Ну и племянница! Мальчишка, настоящій мальчишка!

Бѣлый чепчикъ тети Сони грозитъ свалиться съ головы. Лиловыя ленты развиваются вокругъ ея раскраснѣвшагося лица, на которомъ застыло выраженіе недоумѣнія и испуга.

Бѣдная тетя Соня! Двадцать лѣтъ мирно и спокойно прожила она въ своей крошечной усадьбѣ, надѣясь провести такъ же мирно и спокойно и остатокъ дней своихъ, какъ вдругъ внезапное извѣстіе отъ брата перевернуло все вверхъ дномъ. Братъ тети Сони, путешествовавшій въ далекихъ странахъ съ научными цѣлями, письменно просилъ сестру взять изъ института окончившую тамъ курсъ его сиротку Женю и пріютить ее на нѣкоторое время у себя. А вскорѣ, слѣдомъ за письмомъ, въ домѣ тети Сони появилась и сама Женя.

Тетя Соня, надѣявшаяся встрѣтить серьезную, благовоспитанную дѣвушку, которая, какъ подобаетъ «окончившей институткѣ», покажетъ всѣмъ примѣръ «хорошаго поведенія», была поражена. Вмѣсто «благовоспитанной» барышни, передъ ней предстала дѣвушка съ рѣзкими манерами, какимъ-то странно-громкимъ голосомъ и цыганскими, шаловливыми глазами. И съ первыхъ же дней эта дѣвушка нарушила мирную жизнь въ Шатиловкѣ (какъ называлась усадьба тети

Сони): то она скакала по полямъ на лошади безъ сѣдла, верхомъ, вцѣпившись руками въ гриву, то цѣлыми днями гонялась по двору съ собаками, испуская дикіе крики, то лазала по крышамъ, взбиралась на верхушки деревьевъ, упражнялась въ стрѣльбѣ въ цѣль и пр., и пр.

— И это воспитанная барышня! Боже! Эта необузданность, стремительность и вѣчное неумѣстное веселье—все это просто возмутительно,— говорила тетушка.

Пробовала было тетя урезонить племянницу, читала ей длинныя нотаціи, указывала, какъ неумѣстны ея выходки—но все напрасно.

Сегодня, какъ нарочно, Женя ведетъ себя хуже обыкновеннаго, между тѣмъ, какъ разъ сегодня пріѣзжаетъ старый школьный товарищъ Аркадія Павловича, отца Жени, Андрей Васильевичъ Брянскій. Онъ только недавно пріобрѣлъ усадьбу по сосѣдству съ Шатиловкой и переѣхалъ туда на постоянное жительство. Конечно, онъ не замедлитъ написать Аркадію Павловичу о впечатлѣніи, которое произведетъ на него Женя.

Андрей Васильевичъ съ минуты на минуту долженъ явиться съ первымъ офиціальнымъ визитомъ. Для него-то тетя Соня и надѣла новый чепчикъ съ лиловыми лентами и воскресное

платье. А вотъ Женю никакъ не удастся, вѣроятно, пріодѣть и причесать къ приходу гостя.

И тетушка, совсѣмъ взволнованная, рѣшительно не знаетъ, что ей предпринять.

Неожиданно балконная дверь распахнулась съ грохотомъ. Это вбѣгаетъ Женя. Съ нею шумъ, возня, хохотъ и Сѣрко. И какой видъ у нея при этомъ! Глаза, какъ у разбойника, волосы спутаны, юбка съѣхала на бокъ.

— Что съ тобою?—въ ужасѣ восклицаетъ тетушка.

Женя смотритъ въ недоумѣніи. Что съ нею? Какой странный вопросъ? Да, ничего, ровно ничего: голова—на мѣстѣ; руки и ноги—тоже

— Неугодно ли привести себя въ порядокъ,—дрожа отъ негодованія, говоритъ тетя Соня.—Да посиди ты хоть часъ спокойно на мѣстѣ: у насъ будетъ гость.

— Ужъ не тотъ ли сосѣдъ, о которомъ вы мнѣ говорили, тетушка?—догадывается Женя.

— Именно онъ.

И тетя Соня начинаетъ читать наставленіе Женѣ, какъ надо держать себя при гостяхъ.

Женя дѣлаетъ видъ, что внимательно слушаетъ, и спокойно повторяетъ:

— Да... да... Понимаю... Конечно...

Въ это время захрустѣлъ песокъ, и сѣрая шляпа мелькнула подъ окномъ. Тетя Соня моментально оправляетъ чепецъ и дѣлаетъ Женѣ отчаянные знаки выйти переодѣться.

Но Женя и не думаетъ слушаться. Она впивается любопытными глазами въ пожилого господина съ загорѣлымъ лицомъ и коротко подстриженной бородкой. Онъ, въ свою очередь, нѣсколько изумленъ общимъ видомъ растрепанной и красной, какъ ракъ, дѣвушки.

— Я васъ видѣлъ крошкою,—здороваясь съ нею, говоритъ Андрей Васильевичъ. — Вашего отца я знаю давно; вы на него очень похожи и не только лицомъ, но и жестами, манерами...

— Развѣ папа былъ такой же отчаянный?— брякаетъ Женя и, не дожидаясь отвѣта, какъ пуля вылетаетъ за дверь, къ полному негодованію тети Сони.

Спустя нѣсколько минутъ она снова появляется на порогѣ, совсѣмъ уже новая, перерожденная какъ будто: чинная, тихонькая и приглаженная. Сѣрко около своей хозяйки. Онъ неодобрительно поглядываетъ на гостя и тихо ворчитъ.

Усаживаются вокругъ стола. Андрей Васильевичъ, отпивая чай изъ стакана, разспрашиваетъ Женю о деревнѣ, о поляхъ, о Сѣркѣ. Она отвѣ-

чаетъ подробно, толково, совсѣмъ какъ подобаетъ барышнѣ, окончившей курсъ въ столичномъ институтѣ. Тетя Соня успокаивается мало-помалу; по лицу ея пробѣгаетъ улыбка удовольствія. Слава Богу, Женя держитъ себя довольно мило. Наконецъ, Брянскій заводитъ рѣчь объ институтѣ, о занятіяхъ тамъ Жени, объ ея успѣхахъ.

— О, она великолѣпно училась!—восклицаетъ тетушка.—Аттестата ея я, по правдѣ сказать, не видѣла, но братъ писалъ мнѣ...

— Что я большая лѣнтяйка, но замѣчательно способная,—прерываетъ, смѣясь, Женя.—Не такъ ли? Про меня сложилось такое мнѣніе въ институтѣ. И, дѣйствительно, баллы, то у меня неважные, аттестатъ мой вовсе неблестящій. Но, развѣ дѣло въ баллахъ.

И цыганскіе черные какъ угольки, глаза Жени шаловливо смѣются.

Тетя Соня, какъ на иголкахъ, и поминутно мѣняется въ лицѣ.

А Женю уже не остановить никакими силами. Она хохочетъ, запрокидывая голову и широко открывая ротъ, и непринужденно разсказываетъ, о томъ, какъ ей «ставили на видъ» въ институтѣ, что она плохо занимается, какъ учитель словес-

ности говорилъ, что она, Женя, могла бы быть первою ученицею.

— Вы, m-lle Куницына, зарываете ваши способности въ землю, — передразнивая этого учителя, съ ужимками, продолжаетъ Женя, ничуть не стѣсняясь гостя.

Сѣрко повидимому сочувствуетъ Женѣ: умильно вертитъ хвостомъ и заглядываетъ въ лицо своей хозяйки. Тетя Соня рѣшительно не знаетъ, что предпринять. Гость же, точно замѣчаетъ неловкое положеніе хозяйки, наскоро допиваетъ чай и собирается домой.

Женя снова присмирѣла на минуту и стала «барышней», но на одну минуту только... Гдва сѣрая шляпа гостя скрылась за изгородью сада, какъ Женя неистово захохотала во все горло. Сѣрко залаялъ, и оба съ шумомъ помчались въ садъ. И пошла потѣха...

Тетя Соня зажала уши и поспѣшила на кухню жаловаться старой кухаркѣ Θеклѣ, съ которой мирно и тихо прожила цѣлыхъ двадцать лѣтъ.

Бѣдная тетя Соня!

* * *

Андрей Васильевичъ, занятый устройствомъ своего имѣнія, послѣднюю недѣлю не могъ на-

вѣстить милаго уголка госпожи Шатиловой, т. е. тети Сони. А повидать еще разъ Женю, какъ можно скорѣе, ему было необходимо. Онъ получилъ длинное письмо отъ ея отца, своего друга, Аркадія Павловича, письмо, полное запросовъ о томъ, какъ онъ нашелъ его дочурку, какъ ей живется. Отецъ Жени просилъ откровенно подѣлиться впечатлѣніемъ, которое произвела дѣвушка. Впечатлѣніе же было не изъ важныхъ. Дочь Аркадія Павловича показалась Андрею Васильевичу взбалмошной, легкомысленной дѣвушкой.

«Ее надо держать въ ежовыхъ рукавицахъ,— размышлялъ онъ послѣ своего визита.—Необходимо написать Аркадію, чтобы онъ пріѣхалъ поскорѣе въ усадьбу и самъ занялся исправленіемъ дочери. Вѣдь нельзя же допустить въ молоденькой барышнѣ такого отчаяннаго характера и поведенія мальчишки».

Но отсылка письма откладывалась со дня на день, до новаго визита къ тетѣ Сонѣ, а за недосугомъ Андрею Васильевичу не удавалось посѣтить ея.

Какъ-то вечеромъ Брянскій вышелъ погулять по лѣсу и у самой опушки встрѣтился съ Женей. Она шла медленно, какъ будто усталая, машинально теребя уши своего мохнатаго друга.

— Здравствуйте, Женечка! — окликнулъ ее Брянскій.

— Здравствуйте... Тубо, Сѣрко! Вотъ, глупый, чего надрываешься—вѣдь знакомый!—остановила Женя разлаявшуюся собаку и пошла рядомъ съ Андреемъ Васильевичемъ по направленію къ тетушкиной усадьбѣ.

Брянскій первый прервалъ молчаніе.

— Вы гуляли въ лѣсу, Женечка?

Цыганскіе глаза взглянули на него недовѣрчиво, исподлобья.

— Нѣтъ, не гуляла, а ходила въ гости,— рѣзко отвѣтила Женя.

— Въ гости?.. — недоумѣвающе произнесъ Брянскій.—Но къ кому же въ гости могли вы ходить въ лѣсъ?

— Это, кажется, никого не касается, кромѣ меня одной,—неожиданно оборвала его Женя, надувъ губы.

Андрей Васильевичъ съ грустью посмотрѣлъ на нее.

«Къ довершенію всего, она еще рѣзка и упряма,—рѣшилъ онъ про себя,—и, очевидно, неразборчива въ своихъ знакомствахъ. Навѣрное, посѣщаетъ людей дурного общества, о которыхъ не знаетъ тетка, и скрываетъ это отъ всѣхъ.

Дурные люди могутъ давать ей дурные примѣры и окончательно испортить этотъ тяжелый характеръ. Бѣдный Аркадій! Нелегко ему будетъ перевоспитывать свою дочь-мальчишку! Да, перевоспитывать въ шестнадцать лѣтъ это поздненько!»

А «мальчишка», видимо, чувствуя чрезмѣрность своей выходки, старается быть вполнѣ корректной во весь этотъ вечеръ. По приходѣ домой, Женя беретъ на себя роль хозяйки и разливаетъ чай. Этого еще никогда не было. Тетя Соня въ восторгѣ. Тетя Соня ликуетъ. Нужды нѣтъ, что Сѣрко положилъ морду на чистую скатерть и обнюхиваетъ масленку, что крышка отъ чайника летитъ на полъ изъ неловкихъ рукъ Жени и разбивается вдребезги, что самый чай, наконецъ, перекипѣлъ на самоварѣ и отдаетъ вѣникомъ. Женя мила, предупредительна, скромна и такъ ласково поглядываетъ на тетю Соню.

И тетя Соня сіяетъ.

* * *

Проходитъ день, другой, третій. Прежде, чѣмъ отправить Аркадію Павловичу полный отчетъ о его дочери, Брянскій рѣшилъ, во что бы то ни стало, узнать о таинственномъ семействѣ, которое навѣщаетъ Женя и о которомъ она ничего не

хочетъ говорить. Что Женя ежедневно туда ходитъ, Брянскій знаетъ навѣрное. Каждый вечеръ онъ, гуляя въ опредѣленный часъ на опушкѣ, встрѣчаетъ Женю и Сѣрко, выходящими изъ лѣсу и вмѣстѣ идетъ пить чай въ усадьбу тети Сони. И каждый разъ, какъ Брянскій начинаетъ разспрашивать Женю о томъ семействѣ, которое она навѣщаетъ, Женя отвѣчаетъ уклончиво или же, надувъ губки, упрямо молчитъ. А едва онъ переступаетъ порогъ калитки сада Шатиловой, какъ тетя Соня бросается къ нему съ жалобами на Женю. Теперь она уже не стѣсняется Андрея Васильевича и повѣряетъ ему всѣ свои невзгоды.

Какъ-то разъ онъ пришелъ раньше обыкновеннаго. Въ домѣ былъ адъ: крикъ, шумъ, суета.

— Что такое? — взволнованно спрашиваетъ Андрей Васильевичъ встрѣчающую его тетю Соню.

— Подумайте только: она на голубятнѣ... Она гоняетъ голубей! Это дѣло кучера Евграфа, а она говоритъ: «нѣтъ, хочу сама попробовать»... Боже мой! И какъ она туда влѣзла! Вѣдь шею можно сломать. Пристыдите хоть вы этого мальчишку, Андрей Васильевичъ.

И, вся дрожа отъ негодованія, тетушка ведетъ гостя подъ голубятню.

Брянскій высоко запрокидываетъ голову и видитъ красную, растрепанную и смѣющуюся Женю съ распущенной косой, какою онъ видѣлъ ее въ первый день знакомства.

Она высовывается изъ окошка голубятни и отчаянно машетъ руками на кружащихся вокругъ ея черной головки птицъ. Потомъ смѣло вылѣзаетъ на крышу и разгуливаетъ по ней, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Не прыгай!—Не прыгай!—кричитъ тетя Соня, предполагая, что Женя собирается прыгнуть съ трехаршинной высоты. Вѣдь всего можно ожидать отъ этого мальчишки!..

Черезъ двѣ минуты Женя уже въ комнатѣ, веселая и возбужденная.

— Тетя Соня, сейчасъ я иду въ гости къ моимъ таинственнымъ лѣснымъ знакомымъ!—кричитъ она съ порога.—До свиданья, Андрей Васильевичъ, всего лучшаго,—и, какъ ни въ чемъ не бывало, она исчезаетъ въ тотъ же мигъ.

— Какіе это знакомые? Что за семейство, живущее въ лѣсу? Почему ваша Женя такъ старательно замалчиваетъ ихъ фамилію?—допытывается Брянскій у тети Сони.

Та тоже ровно ничего не знаетъ объ этомъ. Каждый день Женя уходитъ и не говоритъ, къ кому.

Въ гости—и только. Вѣдь не запереть же ее на ключъ въ комнатѣ, какъ маленькую дѣвочку!

И тетя Соня ужасно волнуется, говоря это.

— Придется написать Аркадію Павловичу. Съ ней совсѣмъ нѣтъ сладу, мальчишка какой-то и больше ничего!—добавляетъ она, грустно покачивая головою.

— Необходимо прежде всего узнать, кто эти знакомые, и я беру это на себя, если разрѣшите,—говоритъ опять Брянскій.—Вѣдь я старый другъ ея отца, къ тому же онъ поручилъ мнѣ познакомиться хорошенько съ Женей и написать ему все, съ кѣмъ она бываетъ, какъ проводитъ время, послушна ли ..

— Ахъ, совсѣмъ непослушна!—горячо срывается съ устъ тети Сони.—И эти новые знакомые, о которыхъ она не хочетъ говорить и у которыхъ бываетъ постоянно, меня мучаютъ ужасно .. Я занята хозяйствомъ, мнѣ некогда слѣдить за каждымъ ея шагомъ. Да развѣ за такимъ мальчишкой можно услѣдить?

Тутъ тетя Соня совсѣмъ приходитъ въ отчаяніе, рисуя поведеніе Жени самыми мрачными красками.

— Поручите мнѣ это дѣло, Софья Григорьевна.

Кажется, я смогу убѣдить Женю исправиться,— предлагаетъ Брянскій.

— О, пожалуйста!—проситъ тетушка,—главное, необходимо узнать, гдѣ она бываетъ, разъ сама она не хочетъ говорить объ этомъ.

— Въ такомъ случаѣ, я иду за нею.

Тетя Соня не стала его отговаривать, и Андрей Васильевичъ направился по дорогѣ въ лѣсъ.

Неожиданно на опушку выбѣгаетъ Женя, веселая, радостная, сіяющая.

— Онъ выздоровѣлъ! Онъ выздоровѣлъ! Ура!— кричитъ она и, сорвавъ съ головы шляпу, машетъ ею во всѣ стороны.

Сѣрко прыгаетъ на аршинъ отъ земли и вторитъ своей хозяйкѣ отчаяннымъ лаемъ.

— Кто выздоровѣлъ? Кто? Ничего не понимаю...—съ удивленнымъ видомъ роняетъ Брянскій.

— Какъ кто? Ахъ, Боже мой! Ахъ да, вѣдь вы ничего съ тетей Соней не знаете. Сторожъ Терентьичъ выздоровѣлъ. Сторожъ, что живетъ въ лѣсу. Онъ былъ боленъ все это время... Я сама лечила его, потихоньку отъ всѣхъ... Ходила навѣщать его въ его лѣсномъ домикѣ ежедневно, относила ему туда вино и лекарства, учила жену его ухаживать за нимъ. Представьте, ни одна

душа не знала объ этомъ. Вѣдь, если бы—тетя Соня услыхала про болѣзнь въ лѣсномъ домикѣ, она бы ни за что не пустила меня туда, и бѣдный Терентьичъ остался бы безъ всякой помощи.

— Но почему же, дитя мое, вы не пригласили настоящаго доктора и не поручили ему лечить Терентьича?—поинтересовался Брянскій.

Женя скромно улыбается.

— Я знала, что дѣлала. Болѣзнь была не изъ опасныхъ. Я сразу сообразила, что нужна лишь діэта, хорошій уходъ, компрессы. Все это мы съ его женою могли продѣлать и сами надъ больнымъ. Въ институтѣ я кое-что узнала по медицинѣ, кромѣ того я ухаживала уже разъ за больной прислугой, такъ что кое-что смыслю въ леченіи... Да потомъ, на доктора у насъ съ Терентьичемъ нѣтъ денегъ, а если бы посвятить кого-либо изъ знакомыхъ докторовъ въ дѣло болѣзни моего паціента, они донесли бы тетушкѣ, и меня не пускали бы въ лѣсъ. Терентьича отправили бы въ больницу и на его мѣсто наняли бы другого... Я и рѣшила, пока опасности нѣтъ, самой лечить его; а замѣтила бы опасность, тогда только сказала бы... Какъ видите, я оказалась весьма приличнымъ врачомъ. Вы не можете съ этимъ не согласиться.

— Неправда ли, Сѣрко?—теребя уши своего мохнатаго друга, обращается она къ собакѣ.

Тотъ одобрительно виляетъ хвостомъ.

Андрей Васильевичъ, не удовольствовавшись объясненіемъ Жени, зашелъ лично въ сторожку Терентьича, узнать подробности.

— Ангелъ она, настоящій ангелъ!—объясняла сторожиха.—Какъ настоящій докторъ за моимъ больнымъ ухаживала... И денегъ намъ давала, и лекарства сама приносила...

И со слезами на глазахъ разсказала, какъ Женя каждый день заходила въ избушку, иногда раза по два, по три, какъ слѣдила за болѣзнью.

Когда тетя Соня за вечернимъ чаемъ узнала отъ Брянскаго о визитахъ Жени въ лѣсную сторожку, то вознегодовала на племянницу.

— Какъ можно было такъ рисковать собою! Да вѣдь это ужасъ что такое! У него могъ быть тифъ. Ты могла заразиться, умереть!—волнуясь, выговаривала она Женѣ.

Въ отвѣтъ на это, Женя шумно вскакиваетъ со стула, бросается на шею тетушки и душитъ ее поцѣлуями.

— Жива, тетечка милая! Жива-живехонька!—кричитъ она и хохочетъ на всю усадьбу.

Въ этотъ же вечеръ Брянскій послалъ Аркадію

Павловичу подробное письмо съ отчетомъ о его дочери. Оно заканчивалось такъ:—«Если въ воспитаніи твоей Жени и есть кой-какіе недочеты, если манеры ея рѣзки, какъ у мальчугана, и вся она нѣсколько дика и порывиста,—то ея доброе, чуткое сердечко искупаетъ всѣ эти недостатки, и ты можешь быть вполнѣ доволенъ своей дочкой».

Ленинград

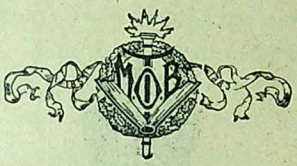
Ключъ въ рукѣ Фенички; она выскакиваетъ за дверь...

129
343

ФЕНИЧКА

РАЗСКАЗЪ

Л. А. ЧАРСКОЙ



Съ 1 рисункомъ

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-Петербургъ | Москва
1 остии Дв., 18 и Невскій, 13 | Кузн. М., 12 и Тверская, 22
1914

Печать Типографіи
Т-ва М-О. Вольфъ
1914

ФЕНИЧКА

I.

ВЕСНА. Празднично и нарядно смотритъ голубое небо. Волной золотыхъ лучей затопило солнце весь большой городъ съ его домами-дворцами, съ широкими улицами и зелеными, по-весеннему убранными скверами.

Окна дортуара Н-скаго института для дѣвицъ раскрыты настежь. На подоконникѣ одного изъ нихъ, съ мочалкой въ одной рукѣ и тряпкой въ другой, стоитъ голубоглазая, свѣжая, какъ наливное яблочко, Феничка, «дортуарная дѣвушка» института. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ пріѣхала семнадцатилѣтняя Феничка изъ деревни, чтобы служить въ качествѣ горничной въ этихъ институтскихъ стѣнахъ. Родныхъ у Фенички—ни души на свѣтѣ. Въ деревню ее отдали на воспитаніе къ совсѣмъ чужимъ людямъ. Еще маленькой двухгодовалой дѣвочкой она была отдана въ

воспитательный домъ, гдѣ принимаются круглыя сироты или дѣти бѣдныхъ родителей. Такою круглою сиротою была и дѣвочка Ѳедосья Евлампьева. Изъ воспитательнаго дома ее отправили въ маленькую деревеньку Таисовку, къ чужимъ людямъ. Здѣсь она нашла свою вторую семью. Солдатка Арина, воспитавшая ее наравнѣ со своей дочерью Анютой и сыновьями Прокломъ и Ѳедоромъ, вполнѣ замѣнила Феничкѣ мать. Горько плакала старая Аринушка, отправляя Феничку въ Петербургъ на службу. Но не отпустить дѣвушки не могла: Феничка была питомица казеннаго воспитательнаго дома, казна платила Аринѣ за ея содержаніе, и теперь Феничка должна была отслужить казнѣ.

Свѣжая, сильная, жизнерадостная и веселая Феничка изъ свободной и привольной деревенской жизни попала прямо въ какое-то заключеніе. Институтскій бытъ съ его строгимъ режимомъ, правилами, звонками, съ ходьбой по струнѣ и суровыми окриками надсмотрщицы надъ служащими дѣвушками, — не особенно понравился Феничкѣ. Не нравилось ей и тугое накрахмаленное форменное полосатое платье, издавно дававшее носившимъ его дѣвушкамъ прозвище «полосатокъ», и прическа «крендельком», по формѣ. То ли дѣло коса да широкія яркія безъ таліи кофточки-самодѣлки,

да босыя ноги! Да, вмѣсто этихъ тяжелыхъ грубыхъ козловыхъ башмаковъ...

Оторванная отъ деревни, съ которой она сроднилась, Феничка чувствовала себя въ институтѣ очень плохо. И даже легкая, сравнительно, работа ей не нравилась. Вспоминались веселыя полевыя страды, косьба, жатва подъ неумолкаемое пѣніе дѣвушекъ, знакомыя дорогія лица.

— Совсѣмъ я нынче словно тюремная затворница, — разсуждала Феничка, любившая выражаться высокимъ словомъ.

Феничка не являлась вполнѣ дикаркой-крестьяночкой. Въ трехклассномъ сельскомъ училищѣ, находившемся въ двухъ верстахъ отъ деревеньки, гдѣ жила Арина съ семьею, Феничка, почерпнула книжную мудрость. Школа научила Феничку грамотѣ, начальной русской исторіи, географіи, четыремъ правиламъ ариѳметики и Закону Божію.

Феничка любила деревню и охотно вернулась бы туда обратно.

«Ахъ! Хорошо было въ деревнѣ! Не то, что здѣсь. И кабы не «ангелочекъ милый, кажись, вольной птицей полетѣла бы назадъ, — мысленно говорила Феничка, грустно улыбаясь своими свѣжими румяными губками.

II.

— «Не шей ты мнѣ, матушка, новый сарафанъ»... — поетъ, заливается Феничка, стоя на широкомъ подоконникѣ, и усиленно третъ намыленной мочалкой оконныя стекла. Голосокъ у нея свѣжій и звонкій, точно серебряный колокольчикъ.

Внизу на улицѣ останавливаются прохожіе, и чиновникъ съ портфелемъ, какія-то двѣ барышни съ папками для нотъ и маляръ съ ведеркой и кистью.

— Знатный голосина! — восторгается маляръ.

— Какая прелесть! — говоритъ одна барышня другой. — И голосокъ очаровательный, и сама хорошенькая.

Феничка не можетъ слышать этихъ лестныхъ мнѣній о себѣ. Она стоитъ въ окнѣ на высотѣ нѣсколькихъ саженей отъ земли. Но по обращеннымъ къ ней лицамъ она догадывается о произведенномъ ею выгодномъ впечатлѣніи. И общее восхищеніе ей льстить. Она заливается жаворонкомъ на всю улицу. Волны весенняго воздуха бьютъ ей въ лицо. Легкій вѣтерокъ ласкаетъ загорѣлое лицо и шею, треплетъ природные завитки русыхъ

волосъ. Пѣсня смѣняетъ пѣсню. Теперь изъ груди Фенички льется любимый ею мотивъ пѣсни «Хазъ Булатъ» къ словамъ, придуманнымъ ею самой.

...«Скучно мнѣ въ городѣ, скучно, а въ деревнѣ у насъ воля да просторъ... Ай лю-ли, волюшка да, ай лю-ли, просторъ»...

Внизу публика все прибываетъ. Толпа увеличивается, растетъ. Неожиданно раздаются аплодисменты.

—Браво, дѣвушка, браво!

Феничка улыбается. Необузданное веселье охватываетъ ее.—Пріятно производить такое впечатлѣніе. Когда она пѣвала на посидѣлкахъ въ деревнѣ, ея голосъ заглушалъ всѣ остальные голоса. Не даромъ ее и прозывали у нихъ въ Таисовкѣ: «Феничка-пѣвунья». Но тамъ-то вѣдь деревня, тамъ она, Феничка, своя, а здѣсь не «мужики неотесанные», а важныя барыни, да господа слушаютъ ее. Вотъ генералъ остановился на тротуарѣ подъ руку съ дамой и тоже улыбается ей... Хорошо!.. Соловьемъ поетъ Феничка. Вся порозовѣла, глаза блестятъ... Ушли, уплыли изъ вида высокіе дома съ желѣзными крышами; затихли, не слышны Феничкѣ больше звонки трамваевъ и гудки автомобилей... Шумный большой городъ исчезъ. Передъ мысленнымъ взоромъ Фенички встаетъ род-

ная Тансовка, золотыя, наливающіяся колосьями поля, запахъ сѣна и ржи, такой знакомый, такой любимый, пестрые сарафаны подругъ и сверкающія на солнцѣ лезвія серповъ... И сама она, рядомъ съ черненькой Анютой, названной сестрой, румяная, счастливая, свободная, далекая отъ этихъ суровыхъ, сѣрыхъ институтскихъ стѣнъ. Какъ легко дышится на свободѣ, какъ вольно и сладко поется!

Феничка, забывшись, беретъ самую высокую серебристую нотку, которой, навѣрное, позавидовалъ бы сѣрый жаворонокъ тамъ, въ вышинѣ, но вѣтеръ мгновенно обрываетъ пѣсню. Быстро сбѣгаетъ румянецъ съ ея лица, испуганно округляются голубые глазки. Даже губы бѣлѣютъ замѣтно, и все лицо отражаетъ ужасъ.

Передъ Феничкой, словно изъ подъ земли, вырастаетъ «Жила».

Настоящая фамилія инспектрисы, появившейся такъ неожиданно въ дортуарѣ старшаго выпускного класса, которому прислуживаетъ Феничка,—Туманова, но институтки, а за ними и низшія служащія Н-скаго института, прозвали инспектрису «Жилой». Прозвали такъ потому, что она, какъ объясняли Феничкѣ институтки, «точно жилы вытягиваетъ изъ провинившихся воспитанницъ».

Дутая, желчная, съ морщинистымъ, злымъ лицомъ и брезгливо поджатыми губами, она незамѣтно подкралась къ Феничкѣ и напустилась на нее.

— Ты что это разоралась, какъ въ деревнѣ! Да ты забылась совсѣмъ! Да какъ ты осмѣлилась распѣвать на всю улицу свои глупыя пѣсни! Вѣдь Богъ знаетъ, что подумать могутъ тамъ внизу... Публика собралась... Глупая, неотесанная деревенщина!.. Сегодня же скажу вашей надсмотрщицѣ, чтобы она перевела тебя внизъ убирать подвальныя помѣщенія... Здѣсь, у барышень, ты не годишься: глупа, неотесана и груба...

И, возмущенная и преисполненная негодованія, «Жила», сердито тряся сѣдѣющей головой, вышла изъ дортуара, бросивъ на растерянную Феничку съ порога еще разъ уничтожающій взглядъ.

Съ минуту Феничка стояла, какъ вкопанная. Мыльная грязная вода стекала съ мочалки на полъ. На полу образовалась грязная лужа. Феничка не замѣчала ничего. Блѣдная, испуганная, съ выраженіемъ отчаянія въ лицѣ, стояла она на подоконникѣ въ той самой позѣ, въ которой застала ее инспектриса.

Неожиданно слезы хлынули изъ ея глазъ... О,

это было ужъ слишкомъ: переходить въ подвальное помѣщеніе, когда здѣсь у нея на верху «ангелочекъ милый», успѣвшій хоть отчасти примирить ее, Феничку, съ тяжелой институтской службой. «Ангелочекъ милый» останется здѣсь, въ этомъ дортуарѣ, за нимъ будетъ ухаживать другая прислуга, а она, Феничка, будетъ въ это время убирать полутемное подвальное помѣщеніе для служащихъ, бѣгать въ лавочку по порученію надсмотрщицы-нѣмки Марьи Денисовны, будетъ исполнять черную работу вдали отъ ея «милаго ангелочка».

Помутившимися глазами Феничка обводитъ комнату и считаетъ бѣлыя узкія кроватки воспитанницъ, тянущіяся тремя правильными рядами отъ одного края дортуара въ другой.

— Первая, вторая, третья, четвертая... — шопотомъ считаетъ Феничка, — пятая, шестая, седьмая... Вотъ она, вотъ... На этой бѣлой узенькой кроваткѣ спитъ въ ночное время ея «ангелочекъ милый», «бѣляночка» — выпускная воспитанница Н-скаго института, Нона Павловна Сумская...

Уже шестой мѣсяцъ служитъ въ отдѣленіи выпускныхъ Феничка. Много замѣчаній, даже окриковъ, много непріятностей получала она отъ избалованныхъ, изнервничавшихся порою вос-

питанницъ. Много насмѣшекъ вынесла вслѣдствіе своей нерасторопности и деревенской угловатости Феничка. Но отъ Ноночки Сумской, высокой, тоненькой, съ блѣднымъ личикомъ, испещреннымъ нѣжными голубыми жилками у висковъ, съ большими сѣрыми разсѣянными глазами, — Феничкѣ не пришлось услышать ни одного замѣчанія. Всегда одинаково ровна и ласкова была съ нею Ноночка Сумская. Она и передъ подругами-одноклассницами часто являлась заступницей Фенички. Разобьетъ ли чью-нибудъ кружку для полосканія рта Феничка, Нона Сумская заступится за провинившуюся. Забудетъ ли Феничка постлать постель или приготовить чистое бѣлье кому-либо изъ барышень, Ноночка и тутъ является ея заступницей. И самая внѣшность Ноны, бѣленькой, какъ снѣжинка, хрупкой и нѣжной, какъ дорогая саксонская вещица, съ густыми бѣлокурыми волосами, уложенными двумя вѣнцами тяжелыхъ косъ на изящной маленькой головкѣ, ужасно нравилась Феничкѣ.

— Бѣляночка моя! Золотко мое! — часто награждала Феничка шопотомъ проходившую мимо нея Сумскую.

Нерѣдко приносила ей Феничка горбушку чернаго свѣжеиспеченнаго хлѣба, посыпаннаго

крупною солью,—всю свою порцію,—зная, какъ неравнодушны вообще институтки къ этому оригинальному, далеко неизысканному лакомству. Приносила и клала въ ночной столикъ Ноночки. Послѣдняя знала объ этомъ молчаливомъ обожаніи горничной и платила ей самымъ дружескимъ отношеніемъ. Часто вела она бесѣды съ Феничкой объ ея деревнѣ, семьѣ, выростившей ее, о полевыхъ работахъ. Иногда Нона угощала Феничку лакомствами послѣ пріема родныхъ по четвергамъ и воскресеньямъ; словомъ, всячески выражала ей свое доброе отношеніе.

У кровати Ноны Сумской Феничка часто изливала въ слезахъ, наединѣ, свое горькое недовольство городской службой и тоску по деревнѣ. И сейчасъ она бросилась съ залитымъ слезами лицомъ на колѣни передъ знакомой постелькой, обвила обѣими руками подушку и, прижавшись къ ней головою, горько, неслышно зарыдала отъ обиды и тоски.

III

Не долго проплакала Феничка. Недомытыя окна и брошенныя на полу мочалка съ тряпкой

настойчиво звали къ покинутымъ служебнымъ обязанностямъ. Немедленно поднялась Феничка, любовнымъ взглядомъ окинула Ноночкину кроватку, поправила на ней одѣяло, подушку и крошечную икону, привѣшанную къ изголовью на розовой лентѣ и, вытирая слезы, принялась снова за прерванную работу на окнѣ. Теперь уже было не до пѣсенъ. Затрещалъ звонокъ въ нижнемъ коридорѣ: кончились классы, наступалъ часъ обѣда и большой перемѣны. Надо было заканчивать уборку поскорѣе и спѣшить внизъ мыть посуду по окончаніи обѣденнаго стола. А тамъ, навѣрное, позовутъ къ Марьѣ Денисовнѣ — «Жила» успѣла, конечно, нажаловаться, и надсмотрщица лишитъ Феничку ея послѣдней радости — службы у выпускныхъ.

Съ отчаяніемъ въ сердцѣ работала теперь дѣвушка. Слезы высохли на глазахъ, но въ душѣ не стало веселѣе. Такъ хорошо начался этотъ день и такъ печально кончился. Съ тяжелыми вздохами, то-и-дѣло рвавшимися наружу, Феничка приканчивала свою работу. Вотъ домыто послѣднее окошко. Она забрала лоханку, тряпку, мыло съ мочалкой и спѣшитъ изъ дортуара.

На порогѣ веселая ватага сталкивается съ ней,

— Феничка! Феничка! — звучатъ голоса ин-

ститутокъ,—куда вы? Не пустимъ. Намъ нужно переговорить съ вами.

Кто-то Феничку освобождаетъ отъ ея багажа, кто-то со смѣхомъ хватаетъ ее за руки и тащитъ обратно въ дортуаръ къ только что вымытому окну. Вокругъ нея тѣснятся зеленыя платья, бѣлые передники и пелеринки воспитанницъ и десятокъ юныхъ смѣющихся личикъ, казавшихся самимъ отраженіемъ весны. Дѣвушки смѣются, имъ весело. Весело оттого, что пришелъ май, желанный май, въ концѣ котораго ихъ, какъ птичекъ изъ клѣтки, выпустятъ на свободу, оттого, что жизнь, незнакомая, невѣдомая имъ, кажется издали такой прекрасной, и потому что собственная юность и свѣжесть радуетъ ихъ.

Феничка невольно оживляется при видѣ этихъ милыхъ смѣющихся личикъ. Барышни всѣ, какъ нарочно, прибѣжали сюда самыя милыя и ласковыя изо всего класса. Тутъ и черненькая беззаботная шалунья Клавдія Левенцова, и маленькая толстушка Адочка Мирова, и Соня Боковская, и темноглазая грузинка Нина Швили-Муханова, и Таня Мурановская, и Зоенька, и Рая Сельцева, прозванная «Колокольчикомъ» за ея высокій тонкій голосокъ и, наконецъ, самъ «ангелочекъ милый», само «золотко», любимица Фенички, Нона Сумская.

Дѣвушки стрекочатъ, какъ кузнечики.

— Феничка! Феничка! У насъ къ вамъ просьба!—звенитъ «Колокольчикъ».

— Да, да! — подхватываетъ Швили,—необходимо ее исполнить, вся надежда на васъ.

Зиночка Кульская заливается, хохочетъ:

— Достаньте намъ вечеромъ у «Жилы» ключъ отъ садовой двери — спасибо скажемъ, — говоритъ она.

— Только сами не попадитесь, Феничка — предостерегающе говоритъ Нона Сумская, которую подруги за ея осанистый видъ и умѣнье держать себя прозвали «Графинюшкой».

Соня Баковская, она же и «Мышка», маленькая, совсѣмъ не по лѣтамъ миніатюрная дѣвушка, успокаиваетъ Нону.

— Ты не бойся, Графинюшка, Феничка съумѣетъ, если захочетъ. Вѣдь захотите, Феничка? — лукаво улыбается она, беря за руки дѣвушку.

Феничка догадывается, что это—какая-нибудь новая шалость, задуманная институтками, и, забывъ совершенно про свое горе, зараженная общимъ весельемъ, смѣется и спрашиваетъ:

— Да зачѣмъ вамъ ключъ, барышни?

Охи, ахи, восклицанія. Говорятъ всѣ сразу,

ничего нельзя разобрать. Неужели она не понимаетъ!.. Теперь дивныя весеннія ночи... Поютъ соловьи... Пахнутъ одуряюще липы... И луна такая, что умереть отъ восторга можно. Экзамены кончаются... скоро выпускъ... Такія радости впереди... Такъ неужели же спать чурбаномъ въ дивную майскую ночь. Неужели не воспользоваться случаемъ и не погулять вечеромъ въ саду...

Говорятъ хоромъ. Швили-Муханова говоритъ громче всѣхъ. Ея восточные глаза горятъ, гортанный голосъ перекрикиваетъ подругъ. Звенитъ «Колокольчикъ».

— Феничка, утащите ключъ, и мы вамъ преданы на всю жизнь.

Клавдія Левенцова виснетъ на шеѣ Фенички и, душа ее поцѣлуями твердитъ:

— Миленькая, хорошенькая, пригоженькая, услужи намъ, Феничка, вѣкъ не забудемъ, ей-ей!

Нона-«Графинюшка» и молчитъ и смотритъ. Сѣрые разсѣянные глаза теперь оживляются, блестятъ; блѣдное лицо розовѣетъ.

Феничка догадывается, что ключъ нуженъ институткамъ для того, чтобы вечеромъ незамѣтно пробраться въ институтскій садъ.

Да, институтки недурно придумали, но Фе-

ничка соображаетъ, что за «соучастіе» въ шалости институтокъ, за самовольное распоряженіе ключомъ ей, Феничкѣ, въ случаѣ чего, «влетитъ изрядно». Нѣтъ, нѣтъ, нельзя, рѣшаетъ она, но тутъ же вспоминаетъ, что вѣдь ее, Феничку возьмутъ отъ нихъ нынче, отъ этихъ веселыхъ милыхъ барышень, возьмутъ внизъ, въ скучное помѣщеніе подвала, переведутъ въ наказаніе на нерадостную черную работу. Такъ не все ли равно? Надо въ послѣдній разъ услужить, и «золотку ненаглядному», и ея подругамъ...

Феничка смотритъ на Нону, и послѣднія колебанія тонутъ въ расцвѣтающей нѣжностью душѣ дѣвушки. Конечно, она сдѣлаетъ все, что у нея просятъ, сдѣлаетъ непремѣнно. Пусть успокоятся барышни: ключъ будетъ у нихъ...

IV.

На обязанности Фенички убирать комнату «Жилы»; туда она можетъ входить безъ доклада въ какое угодно время. Завѣтный ключъ отъ садовой двери виситъ въ комнатѣ инспектрисы на гвоздикѣ, подъ портретомъ начальницы Н-скаго института. «Жила» собственноручно вѣшаетъ его

сюда каждый разъ послѣ вечерней прогулки. Ахъ, эта вечерняя прогулка подъ бдительнымъ окомъ начальства! Институтки чувствуютъ себя связанными, стѣсненными на каждомъ шагу. То-ли дѣло выбѣжать въ садъ поздно вечеромъ, когда погаснутъ огни въ дортуарѣ, а бдительные стражи уберутся на покой, и погулять безъ скучнаго надзора классныхъ «синявокъ», какъ издавна прозвали институтки классныхъ дамъ.

Феничка, хотя и не институтка, прекрасно понимаетъ все это... Однако, рука ея дрожитъ, когда она, невиннымъ образомъ пожелавъ «спокойной ночи» инспектрисѣ, облачившейся уже по вечернему въ теплый фланелевый капотъ, незамѣтно протягиваетъ пальцы къ завѣтному ключу, висящему на стѣнѣ.

Вотъ уже ключъ въ рукѣ Фенички; инспетриса ничего не замѣтила. Не слыша ногъ подъ собою, Феничка выскакиваетъ за дверь, мчится по лѣстницѣ въ верхній этажъ, гдѣ находится дортуаръ старшихъ воспитанницъ. Тамъ ее уже ждутъ на порогѣ. Поверхъ зеленыхъ камлотовыхъ платьевъ институтки накинули байковые платки. Передники и перелинки предусмотрительно сняты— они бы только привлекли вниманіе зоркаго глаза своей бѣлизной. Всѣ здѣсь уже въ сборѣ: и Зо-

инька, и Клавдія, и Швили-Муханова, и «Колокольчикъ». Какими милыми, ласковыми взглядами обдаютъ Феничку дѣвушки, замѣтивъ ключъ въ ея рукахъ!

— Молодецъ, Феничка! Вотъ спасибо, удружила! Славная Феничка! — шепчутъ онѣ наперерывъ.

Со сладко замирающими сердцами скользятъ всѣ внизъ. Феничка съ ними. Она вызвалась караулить барышень, пока тѣ будутъ гулять въ саду.

Безконечно темные коридоры. Крошечныя лампочки, кое-гдѣ оставленныя на ночь, не могутъ освѣтить ихъ убѣгающіе во мракъ углы. Безшумно движутся, придерживаясь стѣнъ, институтки... Вотъ онѣ миновали одинъ коридоръ, быстро сбѣжали съ лѣстницы... Теперь другой... Еще спустились... Слава Богу,—внизу... Проскользнули мимо швейцарской.

Одиннадцать часовъ... Старшій швейцаръ спитъ; младшаго не видно тоже... Скорѣе, скорѣе на крошечную террассу и на крыльцо.

Чуть звякнулъ ключъ и скрипнула дверь подъ рукою Фени.

Испуганные взгляды... Вытянувшіяся шейки... Заглушенный смѣхъ... Дверь раскрыта. Май-

скіе сумерки дышатъ въ лицо пріятнымъ ароматомъ цвѣтущихъ липъ и тополей... Ахъ, какъ хорошо!

— Въ деревню бы теперь, въ деревню!— шепчетъ забывшись Феничка, останавливаясь на верхней ступенькѣ крыльца.

Въ сгустившихся голубоватыхъ сумеркахъ бѣлой майской ночи институтки, взявшись за руки, бѣгутъ... Бѣгутъ на послѣднюю аллею послушать соловья.

Какія трели! Какое наслажденіе! Майская ночь прозрачна и хороша, какъ сказочный сонъ...

Говорятъ шепотомъ. Швили-Муханова набираетъ цѣлую пригоршню бѣлаго липоваго цвѣта и сыплетъ его на черненькую головку Клаши Левенцовой.

— Муха въ молокѣ! Муха въ молокѣ!—хохочетъ грузинка.

Нона Сумская мечтательно смотритъ въ темную чащу сиреневыхъ кустовъ, откуда доносится соловьиная трель.

«Скоро выпускъ... Скоро свобода,—мелькаетъ въ головкѣ дѣвушки, — и никто уже не будетъ мѣшать слушать такъ соловьиную дивную пѣснь по ночамъ».

— Господа! — неожиданно громко кричитъ

«Мышка»,—я, кажется, жука раздавила... Бѣдный жучокъ, несчастный. Погибъ, можетъ быть, во цвѣтѣ лѣтъ. — И дѣвушка чуть не плачетъ отъ жалости къ раздавленному ею нечаянно жуку.

— Ну, это еще пол-несчастья: смотри, какъ бы тебя большой жукъ не раздавилъ, вѣдь ты у насъ дюймовочка-крошка, — смѣется толстушка Ада Мирова.

«Мышка» обижается.

— Лучше быть дюймовочкой, нежели тумбой въ три обхвата,—язвитъ она.

— Удивительно остроумно! — сердится толстенькая Ада.

— Mesdames, какъ вы можете ссориться въ такую ночь! Слушайте соловья и молчите.

Юные голоса смолкаютъ, какъ по командѣ. Юные личики восторженно поднимаются кверху; улыбки, мечтательно грустныя, шевелятъ губы.

О, какъ божественно поетъ онъ, волшебникъ соловей! Въ какое царство грезъ погружаютъ его вешнія пѣсни.

И Феничка заслушалась его невольно, стоя на «стражѣ» у дверей. Но не мечты, а грезы загрождаютъ въ ней его пѣсни. Феничка смущена. Почему «Жила» не исполнила нынче же выска-

занной ею угрозы? Почему не пожаловалась надсмотрщицѣ и не откомандировала ее, Феню, въ подвалъ? Неужели въ ней проснулась жалость? Должно быть, что такъ. А она то, Феничка, противъ нея провинилась и обманула ее — ключъ обманнымъ образомъ утащила. Вѣдь, если по совѣсти разсудить, права была «Жила», запрещая пѣть въ окошкѣ: народъ собрался, дѣлалъ всякія замѣчанія.

Феничка невольно смущается, перебирая въ памяти происшедшее; совѣсть заставляетъ ее признаться въ нехорошемъ поступкѣ... Какъ то неловко дѣлается на сердцѣ.

«Вѣдь не пожаловалась, постращала только...— укоряетъ себя дѣвушка. — Не приведи Господь, узнаетъ объ ея теперешнемъ поступкѣ,—бѣда»...

Невольное волненіе охватываетъ Феничку. Она стремительно, какъ на крыльяхъ, сбѣгаетъ со ступеней крыльца, несется на послѣднюю аллею, гдѣ маленькая группа юныхъ дѣвушекъ стоитъ зачарованная пѣньемъ соловья.

— Барышни, въ дортуаръ пожалуйте. Не приведи Господи, хватиться насъ, — бѣда будетъ, — шепчетъ въ волненіи Феничка, обѣгая растеряннымъ взглядомъ лица институтокъ.

— Что такое? «Жила» идетъ? Здѣсь она,

въ саду? — раздаются шепотомъ произнесенныя восклицанія.

— Да, да, кажись, уже здѣсь... — импровизируетъ Феничка, волнуясь и дрожа всѣмъ тѣломъ.

Ея волненіе передается институткамъ.

— Mesdames, «Жила» на горизонтѣ! — кричитъ испуганно «Мышка» и первая летитъ къ крыльцу.

За нею остальныя. Бѣгутъ, несутся, насколько позволяютъ силы...

Но, слава Богу, только почудилось, отступленіе свободно—на крыльцѣ ни души.

— Не возобновить-ли прогулку? — предлагаетъ кто-то.

— Ни, Боже мой! Барышни милыя, и себѣ горе причините и меня подъ арестъ подведете безталанную...—испуганно лопечетъ Феничка.

— Вѣрно, mesdames, не слѣдуетъ подводить бѣдняжку, — поворитъ по-французски Нона Сумская. — Уйдемъ скорѣе, пока никто не узналъ...

— А жаль уходить отсюда... Безуміе спать въ такую ночь,—вздыхаетъ Зиночка.

— Прощай, соловушка! — сантиментально звенитъ «Колокольчикъ».

И всѣ безшумно спѣшатъ назадъ. Такъ же бе-

шумно пробирается и Феничка въ комнату инспектрисы...

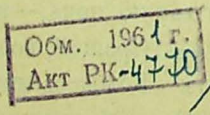
«Жила» спитъ. Ея ровное дыханіе раздается на всю комнату.

Феничка неслышно и осторожно вѣшаетъ ключъ на прежнее мѣсто и съ облегченнымъ вздохомъ спѣшитъ въ дортуаръ выпускныхъ, гдѣ въ крошечной умывальной комнатѣ ее ждетъ жесткая, почти на самомъ полу постланная кровать...

Въ эту ночь Феничка засыпаетъ, однако, не скоро. Майская ночь врывается въ открытое настежь окно... Пахнетъ липами изъ сада... По-прежнему томительно-сладко и грустно-восторженно несется соловьиная пѣснь.

Въ русой головкѣ Фенички закипаютъ грезы... Грезы-мечты о деревнѣ, о вольной жизни среди родимыхъ нивъ, о любимыхъ крестьянскихъ работахъ... Въ груди закипаютъ слезы...

А майская ночь, словно ликуя, свѣтлымъ весеннимъ ликованіемъ врывается съ душистой улыбкой въ окно...



ГПБ Русский фонд
Электр. Б-ка
129
3426-3431